

Юлия Касьян // **НА
ОТШИБЕ
ВСЕГДА
ПОЛУМРАК**

Именно тогда во мне впервые
зародились гнев и жестокость.
Такая вот смесь в одном
флаконе. А еще проснулась
лютая голодная ненависть...

18+

Юлия Касьян

На отшибе всегда полумрак

«Автор»

2023

Касьян Ю.

На отшибе всегда полумрак / Ю. Касьян — «Автор», 2023

В маленькой квартире обычной пятиэтажки найдено тело молодой женщины с многочисленными ножевыми ранами. На лице жертвы чернеет длинный разрез, создающий ужасающее подобие страшной улыбки, а губы хладнокровно прошиты черными нитями. Кто мог совершить такое кошмарное преступление, выходящее за грань даже самой извращенной фантазии? Пытаясь разгадать замысел этого жестокого злодеяния, высокомерный и тщеславный детектив Ален Расмус одержимо блуждает в лабиринте загадок и тайн, окружающих не только это убийство, но и схожее событие, произошедшее десять лет назад. Поймать обезумевшего маньяка – половина дела: узнать его мотив – куда труднее. Что если жертвы... заслужили свое наказание?

© Касьян Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	27
Глава 9	32
Глава 10	36
Глава 11	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юлия Касьян

На отшибе всегда полумрак

*Мечты не всегда воплощаются в жизнь так,
как мы себе это рисуем.*

Тело Алена больше ему не подчинялось, его сковало изнутри, словно кровь превратилась в бетон и намертво застыла в венах. Он не мог шевелиться; ни руки, ни ноги, ни даже язык больше его не слушались. Веки чугунными створками закрыли глаза. Голова лежала на автомобильной подушке, а тело было пристегнуто к пассажирскому сиденью. Ему казалось, что он парит в черном оке урагана, а вокруг кружат звуки реального мира – то слышится звук мотора и движение машин на трассе, то негромко играет радио, а убийца, хрустя арахисом, подпевает в тон мелодии. Он чувствовал запах подгоревшего дешевого кофе, которым пропитался воздух. Вязкий страх, неведомый ему ранее, сжимал горло, туманил мысли. Обездвиженный, беспомощный, он ждал, что вот-вот захлебнется чернотой этой ночи, но удары сердца по-прежнему предательски стучали в ушах, а воздух плавно втекал в легкие и вытекал из них. Алена пытался думать об отце, его доме и просторе бескрайних полей, вспоминал задорный смех Агнес и ее удивленно вскинутые брови, последнюю улыбку матери, тепло ее рук. Но, как он ни вызывал в себе эти воспоминания, их тут же гасил липкий ужас осознания случившегося.

– Мы отправимся в путешествие, – услышал он словно откуда-то извне. – Хотелось, чтобы все было по-другому, детектив. Ты мог бы познакомиться с ней и за чашкой кофе или, может, чая, выслушать наши объяснения, наш рассказ, нашу историю, но, увы, ты выбрал свой путь ищейки. Рыскать до самой последней минуты, вместо того чтобы вершить правосудие. Только не переживай, я не собираюсь тебя убивать. По крайней мере, пока... – В ушах Расмуса раздался тихий, но леденящий сердце смех. – В твоем теле всего-то парализующий препарат, поэтому ты не можешь шевелиться сейчас и в ближайшее время. Не трать силы зря, просто слушай. Ты теперь отличный слушатель.

Радио замолчало, и только механический голос навигатора известил, что впереди их ждет долгий путь.

– Зачем все это, наверное, спросил бы меня ты. У меня пока нет точного ответа. Мне приходила мысль бросить все и сбежать, но так делают только трусы. А мы с тобой не из их числа, не так ли? Я думаю, ты должен знать правду. Нет, ты достоин знать правду! Я делаю тебе одолжение, ты – тот, кому я собираюсь рассказать обо всем. Знаешь, меня всегда вдохновляла работа детективов. Мне казалось, что вы боретесь за справедливость. Но, увы, вы всего лишь следуете правилам и выполняете чужие приказы. А должны бы защищать слабых и наказывать виновных. Но вы никогда не приходите вовремя, не появляетесь в нужный момент, не делаете то, что должны. Мне казалось, что детективу так же важно узнать кто, как и узнать почему. Надеюсь, тебе важно, Алена Расмус!

Он хотел бы ответить, повлиять, сделать хоть что-то, но ему оставалось только слушать голос, улавливать настроение, интонацию и надеяться, что ему выпадет хоть один шанс на спасение.

– Интересно, твоя жизнь стоит этой правды, этого одолжения?

Глава 1

Месяц назад

В этот весенний солнечный день в маленькой квартирке на четвертом этаже пятиэтажного дома собралась целая толпа мужчин в форме. Кто-то делал снимки, кто-то внимательно разглядывал убогую обстановку. А кто-то, застыв от ужаса, смотрел на обнаженный труп молодой женщины, напоминающий тряпичную куклу, которую посадили на пол, прислонив спиной к кровати. Бледно-серую кожу исполосовали многочисленные порезы, руки лежали ладонями вверх, голова была закинута на край кровати, а ноги напоминали чуть раскрытые ножки циркуля. На лице жуткой улыбкой чернел длинный разрез, мутные потухшие глаза смотрели в потолок. Дополняли эту пробирающую до нутра картину губы девушки, все в проколах, из которых торчали толстые черные нити. Складывалось впечатление, что вначале ее рот был грубо зашит, а потом в награду или же в наказание за что-то распорот одним движением, высвобождающим так и не прозвучавший крик о помощи.

– Что скажете? – спросил детектив Ален Расмус коронера Фридрика Пальта, склонившегося над телом.

– Скажу, что приблизительное время смерти десять-четырнадцать часов назад, точнее укажу в своем отчете. Предполагаемая причина смерти – потеря крови от многочисленных порезов, но это вы и сами видите, Ален, – серьезно ответил коронер.

Фридрек Пальт был уже немолод и обладал чуть писклявым от природы голосом. Коллеги и знакомые звали его просто доктор Фил, не утруждаясь произнесением не самого звучного имени.

Ален достал планшет из кармана длинного темно-коричневого пальто и что-то отметил в нем.

– Понятно, Фил, – хрипло сказал он. – Когда будет отчет?

– Не напирай, Расмус, всему свое время, – ответил с ноткой раздражения Фил. – Сам видишь, тут работы – непочатый край. А у меня почти все холодильники заняты ожидающими.

– Значит, завтра в восемь утра, и ни минутой позже. Остальным клиентам придется еще подождать, – сухо бросил детектив и, не слушая возмущенного ответа, направился к патрульным.

– Личность жертвы установлена?

– Да, сэр. Это Линда Смит. Двадцать девять лет, проживала в этой квартире. Ее паспорт лежал в сумочке. – Молодой патрульный указал в сторону небольшой черной сумки из потертого кожама, все еще висевшей на крючке в коридоре.

Детектив кивнул и внимательным взглядом обследовал скудно обставленную комнату, где у кровати сидела растерзанная Линда. У стены справа стоял выдавший виды серый шкаф, дверца которого повисла на одной петле. Напротив кровати располагался небольшой комод, лишившийся ножек, вероятно, в далеком прошлом, а на нем громоздился старый телевизор. Справа от кровати прямо на полу стояла жестяная банка из-под фасоли, наполненная бычками от сигарет, и валялась пустая упаковка от чипсов. Узкий подоконник был заставлен пустыми бутылками и банками из-под дешевого пива, здесь же притулилась и наполовину пустая бутылка хорошего виски. Ален, поправив резиновые перчатки, подошел к подоконнику и аккуратно приподнял бутылку – не эксклюзив, но дороговата для такой обстановки. Продается, скорее всего, во всех крупных магазинах, но стоит проверить.

Он вернул бутылку на место и продолжил осмотр. Стены грязно-серого цвета – в потеках, потолок, пожелтевший от дыма, пол – липкий и грязный. То там, то здесь валялись упаковки от презервативов, а в углу пылилась пустая пачка сигарет.

– Ну и местечко, а запах – аж глаза режет, – произнесла, осторожно входя, Агнес Крус – бахилы с трудом отдирались от липких пятен на полу. Это была невысокая подтянутая женщина лет тридцати пяти, с ясными карими глазами и густыми русыми волосами. Короткая стрижка подчеркивала красиво очерченные скулы.

– Ужасного тебе дня, – произнес с подобием улыбки Ален.

– И тебе того же, напарник. Подбросила нам судьба дельце, – угрюмо констатировала Агнес, рассматривая тело.

В отличие от своей напарницы Ален был высоким и крупным. Ему уже стукнуло тридцать семь, и его послужной список насчитывал множество раскрытых, но «незначительных» дел, как он нередко отмечал в разговорах с отцом. Уже лет пять он мечтал о повышении, о «том самом деле», которое вытолкнет его из списка обычных детективов, работавших в Центральном полицейском управлении Пятого округа. Крупный нос, крупный рот и волевой подбородок делали его лицо приятным и располагающим, а зеленые глаза с характерным прищуром придавали загадочности и особого шарма. Правда, из-за казавшейся многим высокомерной манеры общения коллеги часто считали его неприятным и отталкивающим типом. Он обожал порядок в делах, но при этом не слишком заботился о чувствах других людей и был не особо тактичен, если полагал, что это мешает ему соблюдать тот самый порядок. С Агнес они работали в паре уже больше трех лет, и только она со своим легким, ироничным отношением к жизни смогла приспособиться к суховатому напарнику, к его повадкам, привычкам и, само собой, правилам.

– Что думаешь, Агнес? – сердито спросил Ален, после того как глянул на часы и отметил про себя, что она прибыла на место преступления аж на десять минут позже, чем ожидалось.

Уловив направление его взгляда, девушка усмехнулась, потом подошла к напарнику и, чуть прижавшись плечом к его плечу, тихо произнесла низким голосом:

– Если ты спрашиваешь про мое опоздание, то, каюсь, не могла сорваться мгновенно после звонка. Войска моего дружка уже были подняты и требовали схватки.

– Агнес, ты знаешь, я спрашивал не об этом, – пробурчал Ален, пытаясь скрыть улыбку. Иногда она сводила его с ума своим нахальством и непредсказуемостью, но это же зачастую разряжало напряжение.

– А-а-а, так ты о деле, – насмешливо протянула девушка. – Итак, что же я думаю? Думаю, что жертва была убита.

– Агнес, я серьезно, – закипая, прошипел детектив Расмус.

Что-то подсказывало ему, что дело предстоит серьезное. Внутри уже билась мысль, что именно это расследование может стать его взлетной полосой.

– Я тоже. Множество хаотичных порезов по всему телу, ее поза, нитки, торчащие из губ, распоротый рот – жуть полнейшая. В общем, все говорит, что это не самоубийство, не несчастный случай и, скорее всего, не случайное бытовое убийство. Теперь тебя мой ответ устраивает? – Агнес постояла еще минуту, осматривая комнату, и, не дождавшись реакции напарника, добавила: – Судя по скучной обстановке, квартирка выдана ей в социальный найм, мебель, думаю, с барахолки. Грязь повсюду – ну, это уже вопрос к хозяйке. Могу предположить, что ее жизнь была далека от идеала. – Она взглянула на напряженное лицо Алена. – На ограбление не похоже, но отработаю и эту версию, хотя даже в голове не укладывается, что тут можно украсть. В общем, преднамеренное убийство, как я и сказала ранее.

– Да, – сухо согласился детектив, давась смрадным воздухом.

Ален и Агнес обсудили с коллегами вопросы по осмотру квартиры, опросу соседей, поиску информации и улик. Ален хотел тщательно осмотреть место преступления, но чем дольше он оставался в комнате с жертвой, тем сильнее в нем росла необъяснимая смутная тревога, какая-то давно забытая неуверенность.

Он вспомнил свое первое расследование убийства, как впервые увидел место преступления, жертву. Тогда каждый шаг давался ему с трудом, хотелось сбежать и больше никогда не

возвращаться. Его единственной мыслью было подавить подступающую к горлу желчь, но она все равно вырвалась наружу. К тридцати семи годам Ален повидал множество преступлений, убийств и трупов, но это, последнее, отличалось особой жестокостью и сумасшествием, большой игрой воображения. А от ввевшегося в стены тлетворного запаха гнили, канализации и мертвого тела желчь вновь, как когда-то, подступила к самому горлу.

Ален быстро вышел из комнаты и, достав из кармана сигарету, поднес ее к носу. Делая неглубокие вдохи и более глубокие выдохи, попытался сдержать приступ тошноты. Она чуть отступила, но все еще была где-то неглубоко.

Детектив осмотрел гостиную, где стоял разобранный бордовый диван, покрытый грязными разводами и следами, оставленными когда-то тлеющими сигаретами. Ален подошел к старому темно-коричневому серванту, заваленному всяким хламом. На полках валялись упаковки таблеток, письма о неуплате коммунальных платежей, счета за телевидение и телефон, стояло две банки с окурками и пластмассовый стакан с мелочью. На серванте среди толстого слоя пыли гордо возвышался горшок с засохшим растением. Детектив прошел в крохотную кухню, где увидел несколько тарелок с заплесневелыми отходами, раковину, полную грязной посуды, и тумбу с пустыми пластиковыми контейнерами.

Желчь вновь поднялась к самому горлу. Ален задержал дыхание и шагнул в ванную, где обнаружил только маленький кусок мыла, старую зубную щетку с растрепанной щетинкой и пластмассовую расческу с клочками высветленных волос.

Зафиксировав общую картину, Ален в сопровождении Агнес быстро вышел из квартиры, потом из дома и только на улице сделал большой глоток чистого воздуха, после чего закурил сигарету, которую крутил в руках последние десять минут.

Глава 2

На отшибе

Все мое детство прошло на отшибе – отшибе города, отшибе жизни, отшибе существования. Я, как и моя сестра, были нежеланными детьми. У наших родителей просто не было денег на презервативы, так они объясняли наше появление на свет. Сестра заменила мне отца и мать и, поверь, была куда лучше их обоих вместе взятых. Она была старше всего на три года, но мне казалась такой взрослой, умной, недосыгаемой.

Воспоминания из детства начинаются с покосившегося домишки, который наша семья заняла не совсем законно. Может, когда-то он был приспособлен для нормальной жизни, но это было задолго до нашего появления на свет. Мне дом казался большим и уютным, но это потому, что сравнивать было не с чем. В нем пахло жареными картофельными оладьями, рыбой и табаком. Нам с сестрой была отведена маленькая комнатка в подвальном помещении по соседству с кладовкой, где хранились овощи с огорода и прятались бутылки самогона, который гнал отец. В комнате имелось окошко на одном уровне с землей, но для нас оно было дверью в мир солнечного света, чистого воздуха и надежды. В комнате стояла сколоченная отцом из деревянных поддонов кровать, где мы с сестрой спали. Вдвоем было теплее и уютнее. Еще у нас был стол с полками, так мы считали. На самом же деле – просто еще три деревянных поддона, поставленных друг на друга. Поначалу мы к этому столу почти не подходили, потому что занозы от него очень больно впивались в кожу. Но потом сами ошкурили его до гладкости, убив на это занятие не одну неделю и стесав не один слой кожи со своих детских рук. Постелили поверх найденную на свалке клеенчатую скатерть оранжевого цвета и были счастливы. Апельсиновая скатерть придала комнате хоть какую-то радостную нотку. На голые бетонные стены нам позволялось клеить вырезки из найденных старых журналов и наши рисунки. Поэтому к тому времени, когда мне стукнуло десять лет, вся стена, у которой стоял стол, была украшена «цветными обоями». Может, тебе она показалась бы аляповатой и некрасивой, но нам она представлялась картой мира, счастливого другого мира.

Наш дом стоял на отшибе вымирающего городка. Чтобы добраться до асфальтированной дороги, нужно было пройти через лес примерно два километра по петляющей дорожке. Подъезд к дому давно зарос высокой осокой, у родителей машины не было, да и знакомых или других людей, которые могли бы приехать к нам на машине, тоже не имелось. А все, что долгое время не используется человеком, возвращается в лоно природы, уж так устроена жизнь.

Сестра с самого детства брала меня с собой гулять в лес, так, по крайней мере, она мне рассказывала. А я помню тот особенный день, когда мы бродили среди солнечных лучей, которые пробивались меж листьев деревьев, словно пушистые золотые птицы. Мы играли в «поймай лучик», улыбаясь, бегали по лесу, потом вышли на затерянную в глубине леса поляну. Сестра сказала:

– Хочешь, покажу фокус?

Улыбка просияла на моем лице, хотя мне тогда было неизвестно, что такое фокус. Но у меня всегда было безграничное доверие к сестре. Это чувство живет во мне по сей день, пусть с тех пор прошел уже не один десяток лет. И конечно, мне очень хотелось узнать, что такое этот самый фокус.

– Скажи «да», повторяй за мной: да-а-а.

Ее голос звенел, как ручей, к которому мы иногда ходили, а улыбка согревала. Она и сейчас согревает меня самыми темными ночами, отвлекая от мрачных мыслей и поступков.

К пяти годам мной так и не было произнесено ни одного слова, так, мычалось что-то на своем языке. Но отцу и матери было не до меня, только сестра пыталась привить мне человеческую речь и другие человеческие качества. Не знаю, насколько у нее это получилось.

Я помню свои попытки выдавить из себя нужный звук, но после очередной неудачи следовал кивок, который четче выражал мысли.

– Ничего, скоро получится, – сказала сестра и взяла меня за руку. – А теперь нагнись и загляни под красивые резные листики, вот эти, вдруг там что-то есть?

Она всегда умела сделать из будней праздник, из тяжелых ежедневных обязанностей – игру, увлекательную и интересную.

Мы, широко раскрыв глаза, заглянули под зеленые листья, и нам открылась сокровищница. Спрятанные от всех, висели маленькие красные ягоды. Сестра сорвала одну и дала мне попробовать. Ягодка была сладкая и душистая. Даже сейчас я помню этот неповторимый вкус земляники. Никакой фрукт и никакая другая ягода не сравнятся с этими маленькими красными жемчужинами. Мы ползали на коленках, заглядывали под листья и собирали их в ладошки, а потом закидывали сразу по несколько в рот. На одной ягоде сидел блестящий жук, их постигла одна судьба. Что-то твердое оказалось на моем языке, жужжащее и движущееся. Рот мой с воплем распахнулся, пытаюсь избавиться от незваного гостя. Сестра рассмеялась и сказала, что лучше жучков не есть, но и страшного в этом ничего нет, после чего вытерла мне язык краем платья и протянула самые крупные ягоды, которые собрала.

Они были такие вкусные, пахли конфетами и ее заботой. Дома у нас никогда не водились сладости из магазинов, на это просто не было денег, но лето баловало ароматными дарами. Через дорогу от нашего дома скрывался среди елей заброшенный фруктовый сад. Ветви деревьев сгибались под весом яблок, персиков, абрикосов и слив. Мы – спасители – освобождали ветки от тяжести, и в награду нам доставались сочные, сладкие, наполненные солнцем плоды. Помню, как персиковый сок сбегал дорожками по ладоням, мы громко смеялись, облизывая пальцы и руки до самых локтей.

Каждый день мы уходили с сестрой в лес, собирали грибы, ягоды и плоды, рвали травы, чтобы положить в салат и заварить чай. Ты знаешь, что молодые листья одуванчика вкусны и вполне съедобны? Впрочем, откуда тебе знать.

В еловом пролеске, который клином распарывал лиственный лес, мы собирали шишки для растопки печи и для коптильни, на которой отец готовил пойманную в реке рыбу. Рыба шла в основном на продажу или отцу с мамой, нам с сестрой она доставалась только по праздникам. Но мы не расстраивались, к рыбе и мясу были абсолютно равнодушны, предпочитая лесные плоды или овощи, выращенные на огороде.

В тот год осенью сестра пошла в школу. Каждое утро мы вместе добирались до асфальтированной дороги, возвращаться мне приходилось уже без нее. Часы без сестры были самыми грустными и одинокими, мне оставалось только рисовать палкой на земле всякие загогулины, рассматривать букашек в траве, бродить вокруг дома. Или, как верному псу, сидеть на крыльце и ждать ее возвращения. Сестра взяла за правило, сделав домашнее задание, час уделять занятиям со мной. Мне доставляло удовольствие быть ее тенью, сидеть рядом с ней и наблюдать, как она что-то пытается писать в тетради или решает задачки, слушать, как она читает вслух, особенно стихи. Мне лично учиться не хотелось, это же не сравнится с прогулкой по лесу или купанием в реке. Но она так радовалась, когда у меня получалось выговаривать более-менее понятные звуки, а потом и слова, или когда мне удавались наипростейшие вычисления на пальцах. Ее похвала рождала во мне шенячий восторг и пробуждала желание учиться, стараться, запоминать все подряд. Мне хотелось делать ее счастливой, рассказывая ей о проделанной мной «важной» работе. Мои рассказы всегда вызывали у нее улыбку и смех, дружеский отклик, сестринское умиление. Это была чудесная осень, когда она научила меня говорить и привила любовь к знаниям.

Глава 3

Детектив Расмус оторвался от монитора и взглянул на часы. Было уже пол-одиннадцатого ночи, и он давно мог уехать домой. Но у него всегда находилась масса предлогов задержаться в кабинете, в офисе, в этом старом здании Центрального полицейского управления Пятого округа. Ален посмотрел в окно, на желтый свет фонарей, хрустнул затекшими суставами и закрыл ноутбук. Несмотря на приятную мужественную внешность и завораживающий взгляд зеленых глаз, он так и не нашел женщину, которая была готова разделить с ним дом и свою жизнь. Не сказать, что у него были завышенные требования к семейной жизни. Скорее, счастливому браку препятствовала цель стать известным и всеми уважаемым детективом. Это отнимало все его время, а путь к цели лежал не через званные ужины и семейные обеды, а через трущобы, преступления и трупы. Он был детективом из криминального отдела, и этим все было сказано. Да, мимолетные встречи, бурные ночи и короткие романы временами возникали на страницах его жизни, но ни к чему серьезному так и не привели. Не существовало ни одного человека в этом душном городе, ради кого Расмус был готов уйти с работы хотя бы в девять вечера. И его такая жизнь устраивала.

«Может, если бы отец жил где-то поблизости», – подумал Ален про себя.

Его отец жил в пятидесяти километрах от города в небольшом бревенчатом доме, отстроенном на своем участке земли в тридцать соток. Хирург на пенсии выращивал овощи, радуясь каждой завязи огурцов, фрукты и виноград, из которого делал домашнее вино и граппу.

«Кого я обманываю. Я бы все равно был тут, в своем кабинете, или на вызове, рассматривая разлагающиеся тела, раны, кровавые следы, места преступлений. Я ведь сын своего отца. Он всю жизнь провел на работе, в ночных сменах, со скальпелем в руке у операционного стола. А у меня в руке пистолет. – Ален машинально провел ладонью по кобуре. – Я все равно не поехал бы к нему», – подумал детектив, чувствуя горьковатый вкус застарелой обиды.

Он встал, задвинул стул и нехотя вышел из кабинета.

В девять утра весеннее солнце светило вовсю, нагревая поверхности столов в боковой переговорной комнате Центрального полицейского управления. Четыре стула были уже заняты членами группы по раскрытию убийства Линды Смит. Начальник управления, несмотря на негодование Алена, выделил детективу еще троих человек, пояснив, что такое преступление будет под пристальным контролем прессы, а значит, следует раскрыть его как можно скорее. Ален чертыхнулся, подумав, что его недооценивают, поджал губы, неохотно кивнул и вышел из кабинета Якоба Скара.

Итак, детектива уже ждали его напарница Агнес Крус, перелистывающая свои заметки с места преступления, Роберт Сمارт – молодой детектив, всего несколько месяцев назад прибывший по назначению из соседнего городка, Том Су – специалист по информационным технологиям, кореец по национальности, но гражданин этой страны по рождению, и упитанный весельчак Чак Брэйв, который, как и Ален, уже три года пытался заслужить повышение, хотя ничем особым пока не отличился. На это дело Чак напросился против воли Алена, надеясь показать себя перед начальником управления.

Дверь открылась, и в комнату вошел мрачный детектив Расмус с тонкой папкой в руке.

Дойдя до столов первого ряда, он небрежно бросил папку на стол.

– И это всё? – спросил он грубо, посмотрев в широкое окно, за которым неторопливо просыпался город.

Агнес, откашлявшись, сказала:

– И тебе доброго утра, Расмус.

– С обнаружения трупа прошло двадцать четыре часа, а у меня от четырех человек информации только на тоненькую папку, включая фотографии с места преступления. Как я должен это понимать?!

Агнес закатила глаза и чуть поджала губы. Напарник не в духе, а это значит, что следующие двадцать часов ей придется бегать по городу как ужаленной.

Расмус тяжело вздохнул обвел сотрудников своим пронзительно-недоверчивым взглядом.

– Раз никто не желает дать пояснения, начинаем планерку. Для чего? Чтобы пройтись хотя бы по тем данным, которые у нас есть о жертве и об обстоятельствах ее смерти. Линда Смит, двадцать девять лет, проживала на Пятой улице в доме номер четырнадцать в квартире сорок три, где и был обнаружен ее труп вчера, третьего апреля в девять часов пять минут утра. Время смерти примерно с двадцати часов воскресенья до двух ночи понедельника, второго апреля. Отчет коронера получен? – Он строго посмотрел на Агнес.

– Пока нет, Фил обещал управиться сегодня до десяти и направить его мне.

– Я говорил ему до восьми, – возмущенно произнес Расмус.

– Ну, значит, он с тобой не согласился, – спокойно констатировала Агнес и пожала плечами.

– Ясно. Что у тебя, Агнес? – рявкнул Ален и отвернулся к окну. Агнес встала, обошла стол и посмотрела на своих коллег.

– Всем доброе утро. – Она бросила многозначительный взгляд на детектива. – Начну с того, что квартира была предоставлена Линде Смит пять лет назад в социальный найм, как малоимущей и матери-одиночке. Жертва нигде не работала, по крайней мере официально, получала пособие по безработице. Другого жилья, по официальным данным, у нее не было, как и иного имущества. Замужем не была, но есть ребенок, девочка Милли Смит, которой сейчас тринадцать лет, она находится в приюте святой Марии уже около полугода.

– Девочке сообщили? – прервал ее Расмус.

– Я звонила в приют и оповестила заведующую. Лично с Милли еще не разговаривала, – недовольно ответила она.

– Надо поехать и побеседовать с девочкой и заведующей, – вставил Расмус.

– Сделаю сегодня. У меня на этом все.

– Соседей опросили? – продолжал детектив. – Роберт, Чак?

Роберт встал и, чуть сутулясь, занял место Агнес, которая уже села обратно на свой стул. Открыл записную книжку и неуверенно произнес:

– Соседей опросили, тех, кто был дома. Остальными займусь сегодня. По их словам, Линда вела разгульный образ жизни, постоянно употребляла алкоголь и иногда наркотики. Мужа не было, как утверждают соседи из сорок второй и сорок пятой квартир, но к ней постоянно приходили разные мужчины. Раньше с ней жила дочь, но соседи уже много месяцев не видели девочку. Сосед из тридцать восьмой, пожилой мистер Раст, сказал, что Линда была ужасной матерью, за дочкой почти не следила, поэтому ее забрали в приют. Он подкармливал ребенка, когда мать сутками не появлялась дома.

– Кто-нибудь обращался в опеку? Жалобы в полицию? Приводы?

– В полицейской базе значатся неоднократные жалобы на шум в квартире и пьянство. Официальных обращений в опеку не поступало.

– Тогда как девочка оказалась в приюте? – уточнила Агнес.

– В октябре прошлого года патруль нашел Милли без сознания в Центральном парке. Они отвезли ее в госпиталь, где оставили на несколько недель в связи с рядом заболеваний и полным истощением организма. Придя в себя, девочка сказала, что сбежала из дома и не вернется обратно, и у нее случился нервный срыв. После чего Милли передали в приют Святой

Марии, и ее делом занялась опека, – объяснил Том со своего места. – Я получил отчет от патрульной службы и звонил в госпиталь.

– Что у нас еще? И желательно об убийстве, – сухо добавил Расмус.

– Ну не совсем об убийстве, но еще я выяснил, что жертва состояла на наркологическом учете, ей выделили место в программе по реабилитации, но, посетив один раз реабилитационный центр, она больше не появлялась.

– Понятно. Роберт, соседи не заметили ничего странного в тот день?

– Нет, абсолютно ничего.

– Никого подозрительного? Может, в этот вечер кто-то видел входящего неизвестного мужчину, незнакомую машину у дома? Или, может, они что-то слышали – крики, шум? Хоть что-то.

– Никто ничего не слышал и не видел. Все опрошенные соседи сказали, что в этот вечер все было тихо и спокойно. Линду в воскресенье никто не видел.

Расмус тяжело вздохнул:

– Негусто.

– У тебя что-то есть, Чак? – Детектив внимательно посмотрел на него.

– Я только вчера вечером присоединился к расследованию и...

– Это не оправдание, нам не нужны люди, зря тратящие время, – сухо кинул он.

– Но...

Брови Расмуса приподнялись, а суровый взгляд, казалось, сверлил в побледневшем лице Чака дыру.

– У тебя есть хоть что-то по делу? – медленно проговорил Расмус, четко выговаривая каждое слово.

– Нет, – выдавил сконфуженно Чак.

– Чтобы больше я такого ответа не слышал, или проваливай разгребать бумажки и не мешайся.

Чак кивнул, краснея от подступающей злости. Его гладкое бледное лицо с каждой секундой все больше покрывалось пятнами, глаза блестели от гнева, а кулаки, спрятанные под столом, машинально сжимались и разжимались. Никто не смел с ним так разговаривать, тем более этот высокомерный недоделанный детектив, этот выскочка, этот громила Расмус. Чак – тоже детектив, а не какой-нибудь там патрульный.

– Тогда за дело. К обеду у меня должны быть все данные с места преступления, а к вечеру обсудим версии, варианты, предположения, которые будем отрабатывать. Роберт, опроси всех чертовых соседей, всех! Агнес, мы поедем в приют. Том, запроси записи видеокамер поблизости. А ты, Чак, – он зыркнул на раскрасневшегося парня, – узнай обо всех, мужчинах и женщинах, с которыми Линда встречалась последние месяцы, и найди их. Кого успеешь, опроси. Всем понятны задачи на день?

Сотрудники кивнули и потянулись из кабинета. Агнес подошла к Расмусу.

– Алэн, ты слишком суров с ними.

– Агнес, мы не в игрушки играем, мы расследуем жестокое убийство, – попытался возмутиться он. – И не называй меня по имени перед командой, не дай бог, они решат, что тоже могут так ко мне обращаться. Я – детектив Расмус.

– Ой, только не надо. Мы – напарники, и я буду называть тебя так, как называла все эти до-о-олгие три года, Алэн. И это дело, как и прошлые дела, – наша обычная работа, а мы – коллеги. От того, что ты скажешь всем доброе утро, земля не пойдет трещинами и метеорит не рухнет на Пятый округ. Два слова приветствия никак не повлияют на ход расследования, а вот на климат в коллективе...

– Что за словечки, Агнес? Не знаю я ни про какой климат, – уже с улыбкой ответил Расмус, выходя из кабинета.

– Ладно, надеюсь, ты понял. Я привыкла к твоему «теплому» общению, но им еще только предстоит, так что не перегибай палку. И, если хочешь, я могу называть тебя Рас, – хихикнула она.

– Только попробуй, – угрожающе рявкнул детектив, приподнимая в улыбке кончики губ, вокруг которых чернела двухдневная щетина.

Глава 4

На отшибе

К семи годам сестра научила меня не только говорить, но и писать, читать и считать. Все лето мы были неразлучны, как два бутона на одном стебле. Наши родители окончательно от нас отстранились и все глубже и глубже тонули в болотной трясине алкогольного дурмана. Мать забросила огород и все домашние дела, а отец полностью перестал зарабатывать даже крохи на продаже рыбы. Не потому, что рыба не продавалась. Он просто перестал утруждать себя ее ловлей, да и иными занятиями тоже. Ну кроме самогоноварения. В этом он преуспел.

Каждый день, если отец был дома, мы убегали. Если же не успевали убежать, то прятались в подвале, в нашей комнате, в надежде, что про нас просто не вспомнят, а если вспомнят, то не смогут открыть дверь. Мы никогда не знали, что принесет нам новый день. Иногда между родителями царил мир, и они идиллически кормили друг друга с ложечки, не задумываясь о наших потребностях, но мы не огорчались, ведь это были тихие и мирные дни. Мы с сестрой уже давно научились добывать себе пищу сами и довольствоваться тем, что имеем. А вот дни, когда родители воевали, были мучительными и страшными.

Таким днем стало жаркое и сухое второе июля. В то лето солнце было огромным, беспощадным и яростным. Огненный шар, сжигающий все под собой. Дождя не было уже больше трех недель. Растения на нашем огороде, за которыми мы с сестрой ухаживали несколько месяцев кряду, тратя время и силы, засохли окончательно и восстановлению не подлежали. А ведь для нас овощи и зелень были очень важны, это была единственная возможность наполнить желудки. Тебе, наверное, этого не понять. И хорошо, никому не пожелаю такой жизни.

Все живое сгорело под палящими лучами солнца. Река обмелела, ближайший ручей из бурлящего потока жизни превратился в тонкую жалкую струйку теплой воды. Поскольку отец уже месяц как не просыхал, помощи в ремонте сооруженной им когда-то водокачки мы не ждали. Теперь, когда вода в реке далеко отошла от берега, длины шланга не хватало метров на пятнадцать, а может, и больше. Другого у нас не было, и мы не знали, как дотянуть его до усыхающей реки. Таскать воду ведрами оказалось непосильным трудом, нас хватило всего на пару заходов, и то с горем пополам. Куда уж было нам, тощим скелетам, тягать тяжелые ведра с водой. Пробовали носить воду бутылками, но это оказалось утомительным и бестолковым занятием. В то утро мы пораньше выбрались из дома и поспешили в лес на поиски еды. В доме уже дня два ничего не было – ни крупы, ни остатков овощей, ни муки, никаких банок или залежавшихся продуктов. В желудках громко урчало.

– Давай поищем грибы или какие-то ягоды? Или, может, остались фрукты в заброшенном саду?

– Будем искать, – со вздохом ответила сестра.

– Сейчас бы яблок или персиков, ну или слив, – вырвалось у меня жалобное бормотание. Сестра не любила ныть, и мне не хотелось ее расстраивать. Но все немногочисленные деревья, которые росли поблизости, мы уже обчистили, съели даже зеленые кислые яблоки. Как-то попытались пожарить на костре зеленые сливы, было весело, но не очень вкусно, скорее даже несъедобно. Грибы на костре – куда вкуснее. Но постоянное неумолимое солнце этого лета и весенние проливные дожди лишили нас обычного урожая, на который мы рассчитывали и в этом году.

Добрались до сада и заново обошли деревья, но нашли всего пару мелких яблок на земле, уже принадлежащих насекомым. Нас это не смущало, и мы покусали еще целые места. Но, скажу честно, от голода это не спасло, только раздражило желудки. Я и сейчас помню то навязчивое, болезненное ощущение голода, когда тошнота и слабость накатывают волнами, когда можно на все пойти ради еды. Буквально на все.

– Что будем делать?

Она с грустью пожала плечами и присела на корягу, положив лицо на свои тонкие кулачки. Потом подняла голову, и ее ясные глаза смотрели в меня, в мою душу, пытаюсь найти ответ. В то время она была такая... растерянная, но при этом сильная.

– Как думаешь, малыш, – сказала она вдруг, – если мы отправимся в путешествие, ты сможешь долго-долго идти? Нам придется пройти километра три-четыре, а может, и все пять только в одну сторону, а потом еще обратно.

– Конечно, – вырвалось у меня. – Я же не ребенок! – Мои бледные впалые щеки раздулись от гордости.

Хотя мне нравилось, когда она звала меня малышом, своим малышом.

Она взяла меня за руку, и мы пошли сначала к дороге, а потом по пролеску вдоль нее. Шли долго, ноги болели и саднили, мы были босиком. Мне дважды в ногу впивались толстые занозы, и приходилось останавливаться. Сестра проводила операции по их извлечению, после чего мы продолжали наш путь. Перешли по мосту через реку и опять свернули в пролесок. Шли, сворачивали, отдыхали недолго и вновь шли. Через какое-то время настроение у меня испортилось, эта затея уже не казалась прекрасным и волшебным путешествием. В животе постоянно бурчало, во рту скопилась кислая слюна, тошнота от голода и невыносимой жары накачивала все чаще, а силы и желание идти испарились.

– Куда мы идем, Си? Я больше не могу.

– Да, малыш, я тоже. Но уже скоро. Мы идем на свалку.

– Свалку?

– Да, – грустно ответила она. – Это место, куда привозят вещи, которые уже никому не нужны. Люди в городе выкидывают всякую всячину, и еду тоже. Может, мы там что-то и найдем.

– Выкидывают? Они что, дураки, выкидывать еду? – вырвалось у меня. Она только пожала плечами:

– У них ее много, не то что у нас.

Мы пошли дальше, но вопросы так и сыпались из меня.

– А почему у них много еды?

– Они покупают еду в магазинах, у них ее слишком много, больше, чем они успевают съесть. И через какое-то время еду выкидывают и вновь идут в магазин. Так принято в городе.

– Ох, как жаль, что мы не живем в этом городе.

Уже года три или четыре родители не брали нас с собой, когда шли в магазин за самым необходимым. А о прошлых походах по магазинам мне изредка рассказывала сестра, из моей памяти эти воспоминания испарились бесследно. Иногда, лежа в кровати темным вечером, когда желудки наши урчали от голода, а ноги и руки мерзли под тонким одеялом, она рассказывала, как раньше мы с родителями ездили в большой гипермаркет и закупали продукты на целый месяц. Мы с ней сидели в тележке, полной продуктов, а мама катила нас по магазину и разрешала выбрать что-то сладкое. Тонкий голосок сестры казался пропитанным волшебством, ее воспоминания напоминали чудесные сказки, под которые сон приходил быстро и уносил в удивительный мир изобилия.

– А зачем они покупают много еды?

– Я не знаю, малыш.

– А почему мы не покупаем еду в магазине?

– Зачем ты задаешь эти глупые вопросы? – рассердилась она.

– Почему они глупые? Мои вопросы не глупые.

Мне было слишком мало лет, чтобы понять ее.

– Потому что ты прекрасно знаешь, что у нас нет денег на магазины, – резко сказала сестра и остановилась.

В ее глазах стояли слезы, поблескивая на солнце, как папина блесна. Сестра обняла меня, и мне расхотелось задавать глупые вопросы, хотелось выхватить из воздуха уже вылетевшие слова, и спрятать их поглубже в карман. Мне повезло в жизни, в отличие от многих. У меня была она – моя сестра, целый мир, принадлежащий мне.

– К черту магазины. Кому они нужны, когда есть лес, огород и рыбалка. А?

Она улыбнулась, и, пройдя еще немного, мы увидели за деревьями горы чего-то разноцветного, почувствовали жаркий смрадный запах, такой горько-приторный, что запершило в горле.

Мы стояли у огромной, необъятной горы мусора и не верили своим глазам.

«И это все выкинули, а могли бы съесть или поделиться с нами».

Над всем этим богатством кружили птицы, тоже, наверное, удивляясь человеческой беспечности и глупости.

Мы аккуратно спустились с холма, прямо в развалы вонючего мусора. Звучит не очень, но в тот день впервые за несколько недель мой желудок был полон. Конечно, потом мне стало плохо, но это было привычно. Всего лишь побочные эффекты неправильного питания, вот и все.

Мы взяли немного еды про запас, столько, сколько смогли положить в снятую с меня футболку и в косынку сестры, и побрели домой. Добычу спрятали неподалеку от нашего дома, в лесу, под большой корягой. Даже сейчас помню, что это было: банка зеленого горошка, сухари, банка консервированных персиков, увядшие яблоки, почерневшие бананы и проросшая картошка. Вот был наш клад, который мы тащили всю дорогу обратно.

Наконец сокровища были спрятаны, и мы в сумерках, опустившихся на лес, весело направились по тропинке к дому. Внезапно послышался душераздирающий крик, истерический вопль загнанного зверя – нашей матери, а следом – ругательства, вылетающие из пасти отца. Мы рванули к дому, хотя понимали, что лучше бы нам рвануть в обратную сторону. Но какой ребенок не кинется на крики матери, даже самой плохой?

Влетев в дом, увидели разъяренного отца, который бил лежащую на полу маму по уже окровавленному лицу. Что он говорил ей заплетающимся, гнусным языком, мы не понимали. Сестра кинулась к отцу, попыталась расцепить его кулак, в котором были зажаты спутанные темные пряди – он придерживал мотающуюся голову мамы за волосы. Но он был силен и вдребезги пьян и только отшвырнул Си в сторону. Она поднялась на тонкие ножки и снова бросилась к нему, умоляя остановиться. Мне кажется, в тот вечер в него вселился сам дьявол. А как еще объяснить, когда родной отец хватает свою девятилетнюю дочь и выбрасывает в окно?

Закрываю глаза и слышу лязг, скрежет, звон разбитого стекла и быстрый кроткий вскрик Си. Меня больше не волновало, что творилось внутри дома. Мне кажется, в тот вечер отец выключил мое детство, и какая-то дверь навсегда захлопнулась прямо перед моими глазами.

Мыслей не было, только механические движения. Сестра лежала на твердой вытоптанной земле, ее посеревшая от времени футболка покрылась темно-красными разводами. Она не плакала, не кричала, только тихо скулила и пыталась встать, прижимая ладонь к окровавленному лицу. Меня шатало и мотало из стороны в сторону. В ноги впивались осколки стекла, но боли не было, в тот миг ее просто не существовало. Физической боли для меня вообще больше не существует. Она осталась там, на отшибе, когда мне шел седьмой год.

Сестра остановила мои метания, схватив за руку липкой влажной ладонью. Нужно было что-то делать. У меня получилось поднять ее с земли, она обхватила мою шею одной рукой, и мы медленно пошли к реке. Си хромала и вздрагивала. Через каждые несколько шагов мы замирали, чтобы она могла немного отдышаться, а я прийти в себя. До сих пор помню липкость крови и запах ее страха. Тот запах, который хотелось поскорее смыть раз и навсегда. В ту ночь ребенок, который живет в душе каждого из нас, вылетел в окно вместе с сестрой, разбив вдре-

безги детские мечты и сказочное голубое небо. Именно тогда во мне впервые зародились гнев и жестокость. Такая вот смесь в одном флаконе. А еще проснулась лютая голодная ненависть...

Глава 5

Прибыв в приют святой Марии, Ален и Агнес поднялись на третий этаж в кабинет заведующей. Из-за стола им навстречу поднялась крупная высокая женщина в строгом платье ниже колен, с темными, почти черными волосами, уложенными в каре.

– Проходите, детективы, я ждала вас. Меня зовут Самира Мом, и я заведую данным учреждением.

– Здравствуйте, я – детектив Агнес Крус, а это – детектив Ален Расмус, – Агнес показала на Расмуса.

Тот кивнул и сразу начал бесцеремонно рассматривать многочисленные фотографии девочек рядом с женщинами в строгих платьях, которыми была увешана вся стена.

– Спасибо, что сразу приняли нас. Мы расследуем смерть Линды Смит и хотели бы побеседовать с вами и ее дочерью Милли, – продолжила Агнес.

Заведующая глубоко вздохнула, кивнула и, вернувшись в свое кресло, жестом указала на стулья для посетителей. Агнес тут же села, а Расмус остался стоять у стены.

– Мы оповещены о печальной кончине матери Милли, – проговорила заведующая. – Девочке уже сообщили.

– Спасибо, – сказала Агнес.

– Чем я могу вам помочь?

– Расскажите, как девочка попала к вам в учреждение? – спросил без церемоний Расмус.

– Ох, у нас в приюте сто пятьдесят детей, и каждый ребенок с тяжелой историей. Кого-то родители бросили в больнице, кого-то – на ступенях приюта или оставили на улице.

– Нас интересует Милли Смит, – перебил Расмус и был награжден неодобрительным взглядом Агнес.

– Да, да, конечно. У Милли тоже было непростое детство. Она попала к нам из городской больницы, после того как ее подлечили. Но девочка оказалась истощена не только физически, но и эмоционально. Она была одинока, сбита с толку, напугана, о ней никто не заботился, она недоедала, не посещала школу, и сейчас мы пытаемся заполнить огромные пробелы, просто дыры, в ее развитии. Ее мать отстранилась от воспитания и содержания ребенка. Милли нуждалась в заботе, которую получает у нас в приюте.

Заведующая тяжело дышала, ее большая грудь вздымалась в такт словам.

– Девочка почти не разговаривает, хотя прошло уже почти полгода, как она у нас. Наши специалисты делают все возможное, чтобы вернуть ее к нормальной жизни, но пока мы движемся очень медленными шажками.

– Мы можем с ней побеседовать? – спросил Расмус.

– Запретить я вам не могу, вы же представители власти.

– Кроме того, мы расследуем убийство, – вставил несдержанно Расмус.

– Убийство? – удивилась заведующая, ее глаза широко открылись. Она сцепила руки и встряхнула головой, словно стряхивая с себя эту информацию. – Я думала, ее мать умерла от болезни, вызванной пагубными привычками, которые заполонили ее жизнь.

– Мы не можем разглашать детали следствия, но она умерла не от естественных причин, – ответила Агнес более мягко, чем сказал бы Расмус.

– О, святая Мария, – испуганно пролепетала заведующая и прижала левую руку к груди.

– Вернемся к разговору с девочкой, – напомнил Расмус.

– Да, еще раз повторю, что не могу вам запретить, но я бы рекомендовала провести беседу только вашей коллеге. Без вашего присутствия.

– Это почему же? – удивился Расмус.

– Ну у нас приют для девочек, и Милли, как и многие наши постоялицы, не очень доверяет мужчинам. Откровенно говоря, она им совсем не доверяет и очень боится. Поэтому если вы хотите услышать от нее хоть слово, хотя и этого обещать не могу, то предпочтительнее, чтобы вы обождали в коридоре или саду и не попались ей на глаза.

Расмус демонстративно задумался, провел крупной рукой с выступающими венами по небритому лицу.

– Хорошо, так и поступим, – сказала за него Агнес.

– И еще, при разговоре будем присутствовать я и наш психолог миссис Пимс. А вы, детектив, можете пока побеседовать с внештатным специалистом по поддержке и адаптации детей мисс Иллаей Стоун. Она тоже занимается с Милли, и, возможно, поможет вам в чем-то.

Расмус кивнул.

– Где я могу ее найти? – сухо спросил он.

– Подождите во внутреннем саду, я ее позову. А мы с вашей коллегой пойдем к Милли.

Детектив Расмус принялся расхаживать по внутреннему двору перед приютом. По периметру здания цвели яблоневые и вишневые деревья, под окнами красовались аккуратные клумбы с разноцветными яркими тюльпанами. Напротив здания на огороженном сеткой поле играли одетые в одинаковую форму девочки, периодически настороженно поглядывая в его сторону. Он попытался им улыбнуться, но они все разом отвернулись и с визгом побежали к противоположному краю.

Среди звуков звящего в воздухе задорного смеха и болтовни Ален расслышал ровный стук каблучков и обернулся. По ступеням к нему направлялась молодая, лет тридцати, девушка с каштановыми кудряшками, которые весело блестели на солнце, как шоколадные завитки. Светло-карие глаза ее улыбались и светились какой-то детской добротой, маленький курносый нос был чуть присыпан веснушками, уголки четко очерченных губ были приподняты к солнцу. Детектив замер, невоспитанно уставившись на ее милое лицо, пока она не окликнула:

– Детектив?

– Да? – опомнившись, произнес Расмус, сам не ожидавший от себя такого поведения. – Прошу прощения, меня зовут Ален Расмус, и я детектив Центрального полицейского управления Пятого округа. – Он неуклюже попытался достать из кармана удостоверение.

– Не надо, поверю вам на слово, – усмехнулась она. – А я – Иллая Стоун, занимаюсь адаптацией детей в этом приюте.

– Приятно познакомиться, миссис Стоун, – выдавил, к своему удивлению, Расмус и протянул ей руку.

– Мисс Стоун, – уточнила она и вложила свою небольшую ладонь с бежевыми аккуратными ноготками в его крупную лапу.

Ален почувствовал бархатистость кожи, хрупкость пальцев, и его как током ударило. Пожав нежную ладонь, детектив быстро убрал руку.

Удивление мимолетно появилось на ее лице и также быстро исчезло с него.

– Пройдемся по территории? – спросила она.

– Да, конечно. Расскажите, чем вы занимаетесь в приюте?

– Я специалист по социализации детей, по поддержке в адаптации к окружающему миру и принятии себя и окружающих. В приюте я внештатный работник, посещаю детей примерно один-два раза в неделю.

– А если сказать проще, чем вы занимаетесь? – уточнил он скорее из любопытства, чем для дела.

– Помогаю детям принять себя и приспособиться к внешним обстоятельствам и окружающему их обществу. Стать его частью.

– То есть вы психолог или психотерапевт? Что-то такое? – сумбурно переспросил он. Мысли его разлетались в разные стороны от сладкого аромата, который исходил от нее, а может, от цветущих деревьев, окружающих их.

– О нет, – серьезно ответила девушка. – Если бы я была психологом или, не дай бог, психотерапевтом, я бы так и сказала. А я специалист, оказывающий помощь в адаптации. Да, по квалификации я – дипломированный психотерапевт. Но психотерапией давно не занимаюсь. По крайней мере, с детьми.

– И в чем разница? – бесцеремонно прервал ее Расмус. Она улыбнулась.

– Разница в сути. Я думаю, вы не обладаете излишком времени, чтобы вдаваться в подробности. Поэтому объясню просто и кратко. Я не лезу детям в душу и не тревожу их память. Этим пусть занимаются другие специалисты. Если дети желают, то могут рассказать мне все, я всегда к их услугам. Но в основном говорю я, показываю им этот мир, даю советы и подсказки, как выжить в нем. К примеру, пересаживая растение из горшка в клумбу, мы не можем просто положить его на землю и ждать, что оно само все сделает. Мы должны выдернуть сорняки, выкопать ямку, оставив достаточно места для корней, налить воды, потом поместить внутрь цветок, засыпать землей и так далее. Вот и я помогаю детям приспособиться к новой земле, а взрослым даю советы, что нужно сделать, чтобы цветок прижился.

– Теперь стало немного понятнее, – неуверенно констатировал детектив. – И вы занимаетесь с Милли Смит?

– Да, именно поэтому я и беседую с вами, – чуть насмешливо произнесла Иллая.

И Расмус, вместо того чтобы испепелить ее в ответ взглядом, лишь улыбнулся.

– Мы расследуем убийство матери Милли. Скажите, почему девочка сбежала из дома? Может, она вам что-то рассказывала? Вдруг ей известно, кто желал ее матери смерти?

– Вы задали мне сразу три объемных, не связанных друг с другом вопроса одним махом, – констатировала задумчиво специалист.

– Да? – Расмус широко улыбнулся. – Вы предпочитаете все раскладывать по полочкам?

Она пожала плечами и продолжила:

– На первый вопрос я не дам ответа, не имею права, поскольку это может рассказать только сама Милли. Но я сообщу общеизвестные факты и выскажу сугубо личное мнение.

– Я бы очень хотел выслушать ваше мнение, – произнес детектив.

В его голосе промелькнула игривая нотка, но он остановил себя и прервал улыбку, и нотка растаяла в воздухе, а девушка сделала вид, что не заметила ее.

– Насколько я знаю из данных, которые мы получили от службы опеки, мать Милли употребляла алкоголь и наркотики, водила в дом мужчин, удовлетворяла все свои низменные потребности. А вот свой основной долг, долг матери, она не исполняла. – Ее мягкий голос стал жестче, словно в нем натянулась невидимая металлическая пружина. – Женщина забывала кормить ребенка или, может, не забывала, а просто не хотела. Она не водила Милли в школу, не покупала ей вещи, не мыла ее, не лечила. Как девочка продержалась тринадцать лет с такой матерью, не знаю. Она сильная и добрая девочка, которой не повезло с родителями, вот и все. Вот мое мнение. Причин для побега было достаточно. Что стало спусковым крючком, лучше вам спросить у нее, но не думаю, что она когда-то и кому-то об этом расскажет. Может, больше не могла терпеть такое отношение. А может, случилось что-то еще. Но девочка сделала свой выбор, и я ее в этом поддерживаю. Тут ей намного лучше, тут ее кормят, одевают, учат, учитывают ее интересы, о ней заботятся, – закончила Иллая решительно.

– Понятно. А другие мои вопросы?

– Может ли она подсказать вам, кто желал ее матери смерти, я не знаю. Она здесь уже около шести месяцев, и за эти шесть месяцев мать ни разу не приезжала к ней, не писала и не звонила. Я полагаю, она была рада, что избавилась от дочери. Поэтому – еще раз повторю, это

только мое мнение – Милли вряд ли сможет вам помочь. Но ваша коллега сейчас разговаривает с ней, и вы сможете уточнить ответ на этот вопрос у нее.

Девушка остановилась у поля, где девочки играли в мяч.

– Спасибо вам, Иллая, – зачем-то сказал детектив.

– Не за что, всегда готова помочь. Как детям, так и доблестным детективам, – снова мягко сказала она и с улыбкой, чуть внимательнее посмотрела на Алена.

Они развернулись и направились обратно к зданию приюта.

– А вы давно занимаетесь с детьми? – спросил Расмус, чтобы не прерывать беседу, которая по какой-то странной причине, доставляла ему удовольствие.

– Вы хотите убедиться в моей компетенции? – с вызовом спросила Иллая.

– Нет, что вы! Я бы не посмел. Просто хотел продолжить разговор, – признался он смущенно.

– Вот оно что. Скажу откровенно, у меня сегодня еще очень много дел, и мне пора возвращаться к девочкам. Но иногда, – она чуть улыбнулась, – вечерами, я бываю свободна для простой беседы за чашечкой кофе, но не в качестве допрашиваемой, конечно.

Он не ожидал такого ответа и застыл, утопая в янтаре ее глаз. На верхней ступени лестницы появилась Агнес и позвала его. Мгновение очарования прервалось, и девушка, шагнув на первую ступень, мягко добавила:

– Вам тоже пора, детектив, до встречи.

Она, легко постукивая каблучками, взбежала по лестнице и исчезла за дверью. Расмус смотрел ей вслед, не произнося ни слова, словно надеясь продлить встречу.

– Алэн, ты чего замер? – еще раз окликнула его Агнес.

– Иду я, – уже обычным для себя сухим тоном проворчал он.

Было обеденное время, и напарники в полном молчании заехали в закусокную, купили по комплексному обеду и сели за стол.

– Ну, что узнала? – спросил наконец Расмус, забрасывая в рот куски тушеной говядины. Агнес неторопливо поела рис с курицей и ухмылялась.

– Агнес, – нетерпеливо окликнул ее детектив.

– Как тебе мисс специалист? Очаровательна? Ты хоть слюни подбирал? – веселилась напарница.

– Прекрати, иначе я за себя не ручаюсь, – выдавил Расмус, пытаясь скрыть улыбку. – Мы просто беседовали о деле. Да, она приятная девушка, умная, любящая свою работу и детей.

– Вот, вот.

– О деле, Агнес, – пробурчал он, опустив взгляд, и безуспешно пытаясь остановить уголки губ, ползущие вверх, и выступающий на лице румянец.

«Где женщин учат вычислять чувства мужчин по одному взгляду? Наверное, пока мы в школе мастерим табуретки, они проходят специальные курсы по управлению мужским сознанием. И взрослые особи передают молодым секреты бытия. А все Ева, наверняка началось все с нее, – подумал Алэн, внимательно глядя на Агнес. – Вот они, эти хитрые коварные женщины».

– О деле, – сказала напарница как ни в чем не бывало, отодвигая тарелку с недоеденным рисом. – Девочка замкнутая, за всю беседу толком не произнесла ни слова. Иногда кивала или качала головой. В общем, ничего нового. Она ничего не знает или не хочет рассказывать. Про жизнь с матерью совсем отказалась говорить, просто смотрела в окно или на свои руки. А эта психолог, миссис Пимс, нет чтобы помочь, так она только повторяла: «Все хорошо, если не можешь, не говори. Мы с тобой», – передразнила женщину Агнес. – Мне лично показалось, что Милли очень боялась матери и как-то даже облегченно вздохнула, когда я спросила, знает ли она, что ее мама умерла. Но это только мое ощущение. Да и кто ее осудит? Куда смотрит наша опека, Алэн?

– Никуда, вот и ответ, – гневно буркнул Расмус, делая пометки в планшете. – Надо бы навестить представителей опеки, – дожевывая мясо, кинул он.

Прихватив контейнер с лимонными кексами и большой бумажный стакан черного ирландского кофе, детектив вышел из-за стола.

Глава 6

Сидя в кабинете у начальницы отдела опеки по Промышленному району, детективы рассматривали длинные шкафы, забитые папками, и стол, заваленный бумагами.

– Интересно, куда они поставят предложенные нам чашки с кофе? – спросила Агнес товарища, криво ухмыльнувшись.

Он только покачал головой. Его настроение оставляло желать лучшего, а о накатывающем гневе можно было догадаться по побелевшим костяшкам сжатых в кулак пальцев.

– Добрый день, детективы, – важно произнесла вальяжно прошествовавшая к своему месту начальница отдела. – Чем могу быть полезна?

– Добрый день, мы бы хотели узнать подробности дела Милли Смит, которая сейчас содержится в приюте святой Марии, – спокойно произнесла Агнес.

– Для получения материалов ее дела вам понадобится официальный запрос, таковы правила, – холодно ответила дама, разводя мясистые ладони.

Ее пальцы были унизаны золотыми кольцами с крупными камнями разных цветов. Взгляд Алена машинально упал на полную шею, обвитую толстой золотой цепочкой необычного плетения. Дорогие украшения, пухлые румяные щеки, поджатые губы, надменный взгляд и приторный голос только сильнее распалили детектива.

– Да, конечно, и потрудитесь сразу подготовить объяснительную, почему органы опеки бездействовали тринадцать лет, – рявкнул Расмус. – Таковы правила, – добавил он таким же надменно-холодным голосом, сдерживая клокочущую внутри злость.

– Что вы имеете в виду? – взвизгнула пораженная его обращением женщина.

– Я имею в виду то, что говорю, – скрежеща зубами, процедил он. – Почему органы опеки не знали об обстановке в семье, почему неблагополучная семья не стояла у вас на учете, почему вы не знали, что девочку не кормили, не лечили, не учили? Разве это не зона ответственности органов опеки? Разве основной целью вашего отдела не является забота о детях? Тема объяснительной понятна?

Она покраснела, надулась, как рыба фугу, вскочила со своего большого кресла, резким движением откинула с лица длинную челку и пошла к шкафу. Порылась на полках и вытащила тонкую серую папку.

– С нашей стороны не было допущено никаких нарушений, – скрипучим голосом выдавила дама, пролистывая документы.

– Ага, – кинул Расмус, посмотрев на Агнес.

– Мы не можем следить за каждой неблагополучной семьей. Мы не ходим по квартирам и не выясняем, кто и как живет. Мы работаем с обращениями. Но на эту семью никаких жалоб или обращений не поступало.

– До случая шестимесячной давности, – вставил детектив.

– Да, до случая шестимесячной давности. Как мы могли узнать, что происходит за закрытой дверью?!

– Не знаю, вопрос к вам.

Она фыркнула на его грубость, вернулась в кресло за столом и положила перед собой папку.

– Жду официальный запрос, детективы.

Расмус хотел еще что-то добавить, но передумал. Напарники встали и вышли из кабинета.

– Алэн, почему ты не можешь вести себя по-человечески? – разозлилась Агнес. – И с чем мы остались? Придется потерять без малого дней семь, и все потому, что ты был возмущен!

– В этой папке нет ничего интересного или нового, я уверен. Сделай запрос, но он нам ничего не даст. Они сами ни черта не знают. Определили ее в приют и забыли. Вот и все! Жизнь и история этой девочки для них – всего лишь очередная папка в шкафу.

Глава 7

На отшибе

В ту ночь теплая вода реки смыла с сестры кровь, а мои тонкие пальцы вынули осколки стекла. Через какое-то время мы вернулись к дому. Могли переночевать на берегу или в лесу, но сестра всегда говорила, что большие ссадины или глубокие порезы надо обязательно и как можно быстрее прижигать спиртом. По этой причине мы решили вернуться, не дожидаясь следующего дня. В доме было тихо и темно, родители уже спали, а может, были без сознания. Мы осторожно шмыгнули к себе в подвал, сестра легла на кровать, а мне предстояло пробраться в погреб. Темнота сгустилась, мои руки чуть дрожали, но тихие всхлипы сестры подстегивали, и вскоре бутылка самогона была у меня в руках. Какое-то время пришлось просто сидеть рядом с ней, наблюдая, как кое-где из глубоких порезов на руках и ногах выступает черная кровь. Она все стонала, хныкала и звала маму. А у меня от этого слова внутри зарождался гнев, настоящий, лютей, как стоградусный мороз. Ее рука легла на мою бритую голову, слабым движением она провела по короткому ежику волос. Нужно было набраться храбрости, собрать остатки сил и сделать то, что от меня требовалось. Одинокая слезинка скатилась по щеке, и шепот разрезал тишину:

– Надо прижечь.

Она кивнула, придвинулась к окну и зажмурила глаза. Хорошо, хоть луна в эту ночь была полная и яркая. В руках у меня уже была моя самая любимая и единственная чистая футболка, которую всего пару дней назад сестра отстирала от грязи. Мутноватая жидкость из бутылки вытекла на футболку, распространяя по комнате вонючий резкий запах. Си обхватила мою дрожащую руку с влажной футболкой и, начиная с ног, мы стали прижигать каждый порез. Одна ее рука сжимала мою, вторая держала подушку, которой она закрывала лицо, и при каждом прикосновении футболки к ране чуть слышно всхлипывала и вздрагивала. Через какое-то время ее ноги, руки, живот и спина были обработаны. От меня и моей дезинфицирующей футболки скрылось только ее лицо.

– Си, дай посмотреть лицо.

Она замотала головой и прижала меня к себе, через подушку, которую все еще крепко сжимала. Мои слезы, вызванные то ли резким запахом, заполонившим комнату, то ли ее жалобными всхлипами, то ли крепкими объятиями, капали на ее плечо. Она погладила меня по голове, потом осторожно села и взяла из моих рук футболку. Сама обильно смочила ее самогоном, расправила и резким безысходным движением прижала к лицу. Громкий вскрик боли разорвал мое сердце, словно стая голодных волков. Тело безвольно сползло на пол, а рыдания заполнили комнату. Мои всхлипы были сильнее и громче ее, словно огромные волны, накрывающие нас с головой.

На следующий день отец сходил в город и вызвал скорую помощь, которая еле продралась к нашему дому по заброшенной дороге. Если бы мои усилия, слезы и мольбы не вытолкнули сестру к врачам, отец ничего не сказал бы о ней. Его волновала только жена. Про Си он даже не вспомнил. Мать и сестру забрали в больницу, и там они оставались какое-то время. На вопросы, что произошло, отец сказал, что они поскользнулись и обе упали. Мне пришлось слушать его вранье, лживый мусор, сыплющийся у него изо рта, и молчать. Не думаю, что ему кто-то поверил. Несколько раз приходили какие-то люди в форме и задавали ему вопросы. На это время он закрывал меня в подвале или выгонял к реке со словами, что если они заберут его, то и меня тоже, и я никогда не увижу сестру. Если бы в тот раз мать рассказала правду, рассказала врачам или полицейским всю правду ну или хотя бы часть... Если бы она не стала выгораживать этого монстра, то все могло сложиться по-другому. Но уж как сложилось.

Глава 8

Вечером, когда участок почти опустел, а стрелка на часах перевалила за восемь, на планерке собрались все те же пять человек. Детектив Расмуспил остывший чай, потому что лимит кофе был исчерпан еще в обед. Агнес зевала, не прикрывая рот, поглядывая на фирменные яблочные наручные часики.

«Больше двенадцати часов на ногах второй день подряд. Хочу домой в горячую ванну. И бокал красного вина», – думала она.

Остальные члены команды устало ожидали начала собрания.

– Посмотрим, что мы имеем по делу, – начал Расмус. – Мы с Агнес побывали в приюте святой Марии, потом заехали в отдел опеки Промышленного района. Я беседовал со специалистом по адаптации Милли, Агнес пообщалась с девочкой, но информации, которая могла бы нам помочь в расследовании, не получили. Агнес, расскажи чуть подробнее о беседе с ребенком.

– Да, конечно. Жизнь Милли с матерью, как мы и предполагали, была не сахар. Девочка очень замкнутая, испуганная и неконтактная. Последние полгода содержится в приюте. Жертва с ней на связь не выходила. Про то, кто желал ее матери смерти, она не произнесла ни слова. Вот так, – вяло дополнила Агнес.

– Сегодня получен отчет патологоанатома, – продолжил Ален. – Все ознакомились? – Он оглядел присутствующих, и все кивнули. – Теперь мы точно знаем, что жертва убита примерно между десятью вечера и часом ночи. Причина смерти – кровопотеря от многочисленных ножевых ранений.

– Проще говоря, истекла кровью, да? – зачем-то вставил Чак и хмыкнул, посмотрев на Алена, но, не найдя отклика на свой комментарий, опустил глаза и начал раздраженно ковырять заусенцы на пальцах.

Ален сделал небольшую паузу и продолжил:

– На жертве обнаружено тринадцать ран. Три раны в брюшной полости – колотые, остальные – резаные. Все сделаны одним и тем же предметом, что подтверждено в заключении. Раны нанесены хаотично, без прослеживаемой системы. Орудие убийства на месте не найдено.

– Я беседовала с Филом и еще одним экспертом, – вставила Агнес. – Коронер сказал, что, скорее всего, причиной смерти стали именно раны брюшной полости. Все порезы сделаны, пока жертва была еще жива. По мнению эксперта, характер ран напоминает порезы от перочинного ножа, его еще называют охотничьим. Но определить оружие с достоверностью и включить это в официальный отчет они не могут.

– Почему? – перебил ее Расмус.

– Ты не дал мне договорить. Обычно такие ножи имеют утолщенное своеобразное лезвие. За счет такого лезвия они хорошо перерезают толстые и твердые ткани. Но при этом не оставляют филигранных, по словам доктора, порезов, как на жертве. Этот же нож хоть и имел утолщенное лезвие, но резал не хуже медицинского скальпеля.

– Спасибо, – произнес Ален. – В крови также был обнаружен парализующий препарат.

– То есть жертва была обречена, да еще и без возможности сопротивления, – хмыкнул Чак с гнусной улыбкой на губах.

Расмус глубоко вдохнул и продолжил:

– Что касается ран на губах. Проколы довольно толстые, как и нить, которая осталась в них. Эксперты предполагают, что они сделаны иглой для меховых изделий, но подождем официального отчета. На сегодня установлено, что рот жертвы был зашит еще при жизни, но распорот уже после смерти. Вопрос, который меня беспокоит, – зачем? Он обездвигил ее, она не кричит и не сопротивляется. Тогда к чему зашивать рот? Брать иглу, нить, тратить на это

время, рисковать, оставлять определенный след. Что это может означать для убийцы? Он хотел, чтобы она молчала при жизни, но могла говорить после смерти? Или это какое-то послание для нас? Возможно, это ритуал, религиозный обряд. Есть у кого-то предположения?

Никто не отозвался.

– Надо отработать эту версию. Чак, это на тебе.

– Хорошо. А если он просто псих? – спросил Чак, пожимая плечами.

– Может, и так. Том, проверь по базам, выходил ли кто-то из специальных учреждений недавно.

– Принято, – серьезно сказал Том и сделал пометку в своем планшете.

– Так, что еще... Замки в двери не взломаны, следов сексуального насилия не выявлено. В крови обнаружен алкоголь в большом количестве. А это значит, что жертва, скорее всего, впустила убийцу сама.

– Она могла ничего не подозревать, выпить до прихода гостя или вместе с ним, – сказала Агнес.

– Да, а помнишь недопитую бутылку Jack Daniel's в квартире Линды? Среди пустых банок из-под дешевого пива.

– Да. Он мог принести с собой виски. Она его впустила, они выпили. Она была расслаблена, не чувствовала страха.

– В первую очередь делаем акцент на тех, кого она знала, кому доверяла, с кем выпивала. У меня больше ничего по отчету и нашему дню. Кто продолжит?

С места встал Роберт – высокий сутуловатый парень с коротко стриженными русыми волосами. Его бледное лицо было покрыто редкой щетиной, узкие губы напоминали полоску бледно-розовой ленты. Он посмотрел на коллег тусклыми серыми глазами, пролистал бумажный блокнот и начал тихим бесцветным голосом:

– Я обошел и допросил всех соседей. Ничего нового. Никто ничего не видел и не слышал. По их словам, жертва вела свободный образ жизни. В квартире с ней никто не проживал. На втором этаже в квартире четырнадцать проживает, – он заглянул в свой блокнот и перелистнул несколько страниц, – Сандра Лестон, тридцати пяти лет. Она сказала, что иногда они с жертвой общались. Сандра работает в баре «Дикий медведь» в этом же районе, недалеко от рабочего квартала. Так вот, жертва почти каждые выходные, точнее в пятницу и субботу, навещалась в этот бар и знакомилась там с мужчинами. Как сказала Сандра, иногда она уходила с ними по желанию, иногда за деньги. Я съездил в бар после обеда, но он был закрыт, открывается только после семи вечера.

– Принято, Роберт. Но тогда моя версия, что, скорее всего, убийца был знакомым, не подходит, так? Если она уходила из бара с незнакомыми мужчинами, значит, это было для нее нормой, она не боялась новых знакомств, выпивала с ними, ну и так далее. Но начнем все же с тех, кого она знала, – попытожил задумчиво Расмус. – Том, что по камерам?

– По камерам туго. Есть на дороге М7, но она в трех километрах от дома жертвы. В районе я пока обнаружил только одну камеру у входа в магазин, который через дом на перекрестке. Это, конечно, не Центр, где на каждом углу глаза, – с унынием в голосе заметил Том. – Запросил разрешение на вскрытие телефона жертвы, пока жду.

– Чак?

– Я сегодня изучал улики, – важно произнес тот, не вставая с места. – В квартире жертвы нашли старую записную книжку, куда она вносила номера телефонов. Могу предположить, что это номера клиентов или «знакомых».

– Откуда такие предположения? – поинтересовался Расмус.

– Напротив номеров часто встречаются пометки типа: «с деньгами», «отвратительный», «женат» и всякое такое, – сказал Чак с сальной ухмылкой. – Многие страницы грязные или

склеенные, словно на них пролили кока-колу, а может, колу и виски. – Он негромко присвистнул.

Расмус хотел уже что-то сказать, но Чак продолжил:

– А вообще записи старые, так скажем, мир новых умных технологий берет свое, так что нужно проверять телефон. Другой техники на месте преступления не обнаружили. Я обзвонил номера из записной, сколько успел. Многие телефоны отключены, а те, кому дозвонился, вообще ее не помнят. Вот и вывод – разовые знакомые, а не близкие друзья.

– Ясно. Таким образом, на сегодня у нас ни подозреваемых, ни свидетелей, ни улики, – подытожил Расмус. – Агнес, когда будет отчет по отпечаткам?

– Ох, не скоро, Ален, – удрученно протянула женщина, предчувствуя его реакцию на этот ответ. И она не ошиблась.

– Что это значит? – возмутился детектив.

– В ее квартире все было усеяно отпечатками, множеством отпечатков. Она, наверное, не убиралась там месяцами, а может, и годами, – рявкнула Агнес в ответ на грубый тон напарника.

Детектив ничего не ответил, молча направился к выходу.

– Спасибо, коллеги, за работу, все свободны на сегодня, – сказала Агнес вместо него.

Ален упал в свое скрипучее кресло и уставился в потолок. Это убийство может стать шансом, светом в конце туннеля, или изничтожить в прах все его надежды и планы. У него нет времени, совершенно нет времени на проволочки. Шеф следит за каждым шагом, за каждым решением. А все, словно сговорившись, ведут себя как на курорте. Они что, не понимают, что в этот раз надо делать огромные шаги вперед, а не семенить на месте?

Интересно, почему это дело шеф передал ему? Хочет проверить его компетенцию, сомневается в нем? Черт, черт, черт! Дурацкое дело, и так не вовремя. Настолько не похоже на остальные преступления, с которыми он сталкивался столько лет подряд.

Его мысли, словно шальные искры петарды, метались в разные стороны, чувство неуверенности разрасталось внутри. Если он не справится с делом, то что? Он до пенсии будет копать с наркоманами и бомжами? Детектив чертыхнулся и постарался сосредоточиться на деле.

В преступлении всегда есть цель, задуманная или спонтанная, мотив, пусть и самый изощренный, но тот, который прослеживается в деталях. Так писали в книгах по раскрытию убийств. У детектива после первого взгляда на место преступления должен сформироваться образ, портрет преступника и картина, пусть и не полная, но схематическая картина убийства. Все прославленные детективы утверждали, что они интуитивно знали, кого ищут, оставалось только свести детали воедино и подтвердить выводы уликами.

Но Расмус, представляя перед собой жертву и место преступления, никак не мог увидеть преступника, не понимал, что им двигало, чем он руководствовался. Предположим, это обычный рослый пьяный мужчина. Но зачем ему зашивать жертве рот, и где он взял толстую иглу и нить? На месте преступления они не обнаружены. Тогда Ален представил уродливого психа с иглой в одной руке и ножом в другой. Но зачем он это сделал, почему выбор пал на Линду. Он ее знал? Познакомились в баре?

Детали расследования хаотично метались в голове броуновскими частицами. Преступление представлялось кубиком Рубика, который Ален никогда не умел собирать. Оно было слишком сложным, продуманным, извращенным, с множеством вращающихся разноцветных граней. И пока у детектива не было ни одного подозреваемого, ни одной стоящей улики, ни одной зацепки.

Он встал и широкими шагами начал мерить кабинет. Что-то не клеилось, что-то во всем этом было дико и противоречиво. Он упускал какие-то детали, не видел их, они, словно маленькие мячики, закатившиеся под стол, прятались от него в тени. Ален сделал еще несколько шагов по кабинету, обдумывая дальнейшие действия.

«Мне просто надо найти всех, кто желал ей смерти, и выяснить, была ли у них возможность воплотить свои желания в реальности. И тогда все сложится. Все сложится как надо», – думал детектив, кусая обветренные губы.

Он посмотрел на темно-серый шкаф в углу, где хранились копии нераскрытых им дел. Его ладони вспотели, воздух в кабинете стал спертым, плечи напряглись. Детектив Расмус больше всего боялся нераскрытых дел, они жирным пятном ложились на белую наглаженную рубашку его послужного списка. Он ненавидел висяки всем своим нутром, а это преступление так и рвалось встать в очередь в этот ящик. Такое пятно уже не отстирать. Ален отвел взгляд от шкафа, но чувство собственного бессилия, ощущение изъяна, своего изъяна, как детектива, сдавливало горло. Он желал услышать голос Агнес: «Эй, напарник, не стоит расстраиваться, мы не всеильны, это просто работа». Но он его не слышал, а это дело может стоить ему всех его надежд. Оно грозило стать его личным поражением.

– Пока, Ален. – Агнес вырвала его из глубокой задумчивости.

– До завтра, напарник, – произнес он устало.

Расмус вновь опустил в свое кресло и уставился на погасший монитор. В это мгновение он внезапно поймал себя на мысли, которая поразила его самым своим существованием:

«Как было бы хорошо, если бы и меня дома кто-то ждал».

Перед глазами всплыло лицо Иллаи, ее спокойные черты, лукавый взгляд, темные завитки волос. Она даже не оставила ему свой номер телефона, а он, дурак, не спросил. А если бы и спросил, разве он набрал бы его? Отважился позвонить и позвать на свидание? Эти вопросы заставили Алена еще пять минут переключаться с места на место бумаги, бестолково заглядывать в ящики стола в поисках неизвестно чего, собирать ненужные вещи, раскиданные вокруг клавиатуры, точить карандаши, которыми он никогда не пользовался.

Он вышел из участка уже после десяти вечера и поехал домой. Но не пошел в свою одинокую квартиру, а достал из багажника набитую спортивную сумку и спустился в подвальный спортзал, где периодически выпускал пар. Но сегодня, сколько он ни старался отвлечься от реальности с помощью железных могучих зверей, которые в борьбе с ним выжимали остатки сил, в его памяти всплывали то прислоненное к кровати израненное тело, то нежное лицо специалиста по адаптации. Как эти кардинально противоположные мысли могли так молниеносно сменять друг друга, он не знал. Но и затолкать их в темный угол сознания, совладать с ними, было не в его силах.

Ночь тоже не дала Алену желанного отдыха и умиротворения. Сны его были беспокойными и скомканными, он то и дело просыпался среди ночи, вставал к холодильнику, выпивал несколько глотков холодного кефира и возвращался в мир темных грез. И так до самого утра, когда будильник наконец прекратил его бесплодные попытки расслабиться.

Расмус поднялся с кровати без малейшего признака хорошего расположения духа, но с четким намерением продвинуться дальше в расследовании. Пока его тело собиралось на работу, мозг обдумывал следующие шаги, указания группе, необходимые действия.

Прибыв в участок с опозданием на целых семь минут, он быстро прошел мимо коллег к комнате совещаний и огласил:

– Собираемся.

Все вяло встали со своих мест и потащились к переговорной, оставляя на столах только что заваренный кофе.

Чак язвительно шепнул Роберту:

– И что же изменилось за ночь?

Роберт чуть улыбнулся на комментарий, а Агнес послала ему негодующий взгляд. Она не терпела, когда кто-то за спиной обсуждал действия ее напарника, пусть и не очень логичные.

– Приступим, – начал Расмус, хотя группа еще не успела рассесться по местам. – Обсудим, кто и что будет делать дальше.

Поскольку отчеты по дактилоскопии не поступили, он попросил Агнес оказать давление и поторопить экспертов. Она с ухмылкой ответила, что возьмет служебный пистолет и будет стоять над экспертами с взведенным курком, пока не добьется от них отчета.

Разрешения на вскрытие телефона тоже еще не было, и он поручил Тому ускорить процесс, заметив, что, если сегодня разрешения не будет, придется действовать без него. Глаза у Тома испуганно расширились и забегали. Он старался всегда и во всем соблюдать установленные правила и следовать инструкциям. А по инструкции вскрытие телефона возможно было только после получения соответствующего разрешения. Но по уставу Тому полагалось исполнять приказы старшего по званию и тем более руководителя группы. Том насупился и полез в планшет искать верный вариант действий.

Роберту Ален поручил помочь Чаку с записной книжкой, а вечером отправиться в бар и допросить всех, кто там будет. Роберт был взбудоражен, но в то же время растерян, представляя себя в одиночестве в темном баре среди громил и нарушителей закона. Посмотрев на выражение его лица, Ален добавил, что они с Агнес составят ему компанию. Роберт громко выдохнул, что вызвало улыбки у всех собравшихся, отчего он покрывлся ярким стыдливым румянцем.

– И еще, Том, поищи в базе совпадения по делам. Давай пока по нашему округу.

– Хорошо, шеф, – ответил Том.

Все уже собирались разойтись, но Расмус добавил:

– Попробуй разные сопоставления по делам. Не только стандартные. Поищи по манере преступления, по позе жертвы, по характеру порезов, особенно рта, и другим критериям. Отчет жду вечером.

Том застыл на месте, ошарашенно уставившись на Расмуса. Придя в себя, он начал бурчать что-то невнятное про то, что это невозможно в такие сроки.

Расмус тут же прервал его:

– Что найдешь. Нас ждет тяжелая кропотливая работенка, ребята. Нас всех. Но мы должны ее сделать.

Остальные кивнули и разошлись по своим местам.

День пролетел быстро и незаметно, кто-то составлял отчеты о проделанной работе, Роберт и Чак обзванивали номера телефонов из записной книжки, Агнес занималась запросами и ответами, а Ален вместе с Томом блуждали в полицейской базе данных.

Вечером, ближе к восьми, Ален, Агнес и Роберт отправились в бар «Дикий медведь». По дороге детектив Расмус спросил Роберта:

– Ну что, есть новости?

– Я обзвонил порядка пятидесяти номеров, и все впустую. Вероятно, последние год или полтора она совсем не пользовалась этой записной.

– Почему ты так решил?

– Несколько человек, которым я сумел дозвониться, – Роберт сделал эффектную паузу, – вспомнили жертву и сказали, что контакт с ней был года полтора-два назад, после они не встречались.

– А цель их встреч, ну два года назад, какая была?

– Как мы и думали, она предпочитала секс за деньги. Я попробовал узнать, был ли у нее сутенер, но они сказали, что она не из таких. Они все познакомились с ней в разных барах и просто хорошо проводили время, но не бесплатно. Вроде не работа, а так, помощь, как сказал один мужчина.

– Как думаешь, стоит их вызвать в участок?

– Сомневаюсь, но, если необходимо, могу пригласить всех, до кого дозвонился.

– Пока не будем. Сначала найдем тех, с кем она контактировала в последнее время. Но составь список тех, до кого дозвонился, с указанием ориентировочных дат.

На что Роберт устало кивнул.

Глава 9

На улицу опустилась глубокая влажная ночь. Луну и звезды закрывали густые темные облака. Бар «Дикий медведь» расположился в Рабочем районе, недалеко от мебельной фабрики. Огни заведения среди безлюдных улиц, в окружении темноты спящих зданий, казались дверью в какой-то райский солнечный мир. Они прошли в бар, где уже набралось довольно много людей. В основном посетителями были мужчины, работавшие поблизости. Кто-то сидел в рабочей робе, кто-то – в простой повседневной одежде. Роберт увидел за барной стойкой соседку жертвы и сразу протиснулся к ней.

– Добрый вечер, – сказал он чуть тише, чем этого требовала обстановка. – Мы хотели бы пообщаться с теми, кто знал Линду.

– Минуточку. – Она кивнула, крикнула что-то официантке и пошла в сторону зала. Ален и Агнес, стоя у крайнего, возле двери, еще свободного стола, внимательно осматривали небольшое душное помещение. Играла незатейливая музыка, сквозь которую пробивалась отменная ругань и грубый смех постояльцев. Роберт подошел к детективам и сказал, что позвал Сандру Лестон.

– Как думаешь, а эта Сандра Лестон могла иметь зуб на Линду? – спросил Расмус. Лицо Роберта Смарта приняло какое-то детское выражение удивления.

– Я не думал...

– Роберт, ты должен рассматривать все версии, даже самые нежизнеспособные. Все. В этом смысл нашей работы – видеть то, что другие не замечают. Тебе не показалось странным, что она – единственная из соседей, кто сказал про бар. Ты думаешь, больше никто из подъезда в пятьдесят квартир не знал, что она ходит в этот бар?

– Ну, может, Линда общалась только с Сандрой.

– Никаких «может». Преступление – это не плоский лист, на котором написано имя убийцы. Зачастую преступление – это шестиугольный кубик, и ты должен видеть все стороны, даже те, которые от тебя скрыты твоей же ладонью.

Младший детектив кивнул, но было видно, что это замечание сильно его расстроило.

Прошло пять минут, но Сандры Лестон все не было, и Роберт вновь отправился за ней.

– Как таких зеленых новичков присылают к нам в центральное управление? – прохрипел Ален на ухо Агнес.

– Ты слишком суров, Ален. Ему недостает опыта.

– Ну вот бы и набрался сначала опыта там, у себя в городке.

– Да что ты говоришь? Ты же знаешь, там, где он работал, кроме мелких краж и пакостей ничего не происходит. Он бы там и через двадцать лет не набрался опыта. А у нас в Управлении, да у тебя в команде...

– Не лсти мне, Агнес, он все равно не готов.

– Мы все были когда-то не готовы, Ален. Я тоже была не очень-то «спелая», когда попала в Управление. И не помню, чтобы ты жаловался, когда я стала твоим напарником. Я не узнаю тебя, Ален.

Она внимательно взглянула на него. Ее глаза, чуть сморщенный нос, насупленные брови, все выражало осуждение и несогласие.

– Или жаловался? Ален, отвечай немедленно, ты и на меня жаловался кому-то? – спросила она грозным тоном.

Их прервал Роберт, который подошел к столу вместе с Сандрой.

– Мы еще к этому вернемся, детектив Расмус, – произнесла Агнес угрожающим шепотом. Он ухмыльнулся. Только она умела так выворачивать ситуации в свою пользу.

– Извините, была занята.

Сандра хотела продолжить, но Расмус прервал ее вопросом:

– И чем?

– Что? – не поняла она.

– Детектив Смарт подходил к вам минут пять или семь назад, и я видел, как вы закрыли кассу и двинулись в служебное помещение. Что вы делали там это время?

– Вы меня в чем-то подозреваете? – резко ответила она вопросом на вопрос и занервничала, как и все, кого допрашивал Расмус.

Он любил бить в лоб неудобными вопросами, напряженным тоном, не давая времени опомниться, не позволяя придумывать, юлить. Он умел уцепиться за слово и вытащить все, что ему было нужно.

– Мы работаем в убойном отделе, расследуем убийство. И это вынуждает нас подозревать всех. Вы удивлены?

Он заметил, как ее лицо чуть дрогнуло, как расширились зрачки, а губы самопроизвольно сжались.

– Я просто думала, вы хотите опросить посетителей, а не меня. Мы уже разговаривали с детективом Смартом. – Девушка гневно посмотрела на Роберта.

– Да, но вы еще не разговаривали со мной, – спокойно продолжил Расмус. – И я так и не услышал ответ на свой вопрос.

– Я просто предупреждала сотрудников, что отойду к вам, – пытаюсь взять себя в руки, ответила Сандра.

– Долго же вы их предупреждали, – заметил как бы про себя Расмус.

Она попыталась сделать отчужденное лицо и пожала плечами. Но детектив видел, как девушка потрогала карман джинсов, словно хранила в нем какой-то секрет, затем положила руки на спинку стула, сжимая ее.

– Хорошо, тогда расскажите нам еще раз, – он сделал выразительную паузу, – о жертве. Вы дружили?

– Нет, – быстро бросила Сандра. – Скорее, перебрасывались парой слов время от времени, – уточнила она.

– При этом вы были соседями?

– Мы живем... жили в одном подъезде.

– Вы с ней не ладили? Какие-то конфликты?

– С чего это вы решили? – насупилась она. – У нас не было конфликтов, просто она была... настоящей сукой, вот.

– И как вы это поняли?

– Да что тут понимать. Это все знали!

– Но я спрашиваю лично вас. Почему вы считаете ее именно такой?

– На нее нельзя было рассчитывать. Никому.

– У вас были инциденты? – не унимался детектив.

– Нет, просто таким, как она, не доверяю.

– Мне казалось, моему коллеге вы сказали, что общались.

Она не ответила и только сильнее сжала спинку деревянного стула.

– А таким, как она, это каким?

– Гулящим, – выдавила она ехидно.

– Понятно, – сказал протяжным тоном Расмус. В ответ Сандра фыркнула.

– Подскажите, с кем она контактировала в баре?

– Да со всеми, – Сандра оглянулась, – со всеми мужчинами.

– А с женщинами? Может, есть подруги, с кем она здесь отдыхала?

– Она предпочитала компанию мужчин и не любила конкуренции, – буркнула Сандра.

– Когда вы ее видели последний раз?

– В субботу вечером, она, как обычно, была в баре.

– Вы что-то заметили в тот вечер? Может, что-то странное в ее поведении?

– Нет, как обычно, клеилась к мужикам.

– И?

– И больше ничего.

– С кем она ушла в ту ночь?

– Я не знаю, не следила за ней, – ответила девушка сухо, но при этом ее лицо напряглось, а глаза наполнились странным блеском.

– Спасибо, если у нас появятся еще вопросы, мы к вам подойдем. Она кивнула и вернулась за барную стойку.

– Что думаешь? – спросила Агнес.

– Думаю, что она знает, с кем ушла Линда в тот вечер. Вопрос – почему она не хочет, чтоб об этом знали мы?

Все внимательно смотрели на Расмуса, пока он оглядывал посетителей.

– Ну, приступим, – сказал он, и направился к компании мужчин за дальним столиком.

Около часа Расмус выслушивал рассказы о жизни жертвы. Большинство из опрошенных мужчин имели те или иные отношения с ней, кто-то сам рассказывал о них, кто-то признавался неохотно. Но никто из опрошенных не сказал, что был с Линдой в последние часы ее жизни. Они видели ее в баре, говорили, что в субботу она засиделась допоздна, но не помнили ни во сколько она ушла, ни с кем.

После опроса постояльцев «Дикого медведя», который не всегда шел гладко, команда собралась у входа.

– Ну что, кто-то завладел ценными сведениями? Удалось что-то узнать?

– У меня пусто, не считая десятка предложений хорошо провести ночь, – ответила Агнес и усмехнулась сама себе. – Никто толком не знал, чем она занималась, с кем встречалась, чем жила. Она была невидимка, просто одна из многих, с кем можно расслабиться. Удручающая жизнь, скажу я вам.

– У меня и того меньше, – пробубнил Роберт. – Никаких предложений. – Он обменялся с Агнес улыбкой.

– Может, кто-то привлек ваше внимание? Кто-то подозрительный?

– Ален, ты их видел? Они все подозрительные, – Агнес хохотнула.

– Понятно. Тогда до завтра, – буркнул Расмус и направился к своему старому, но верному автомобилю.

– Спасибо, коллеги, за проделанную работу, – театрально сказала Агнес сама себе, изображая Расмуса. – А сейчас – отдыхать.

На что Расмус, не оборачиваясь, отсалютовал, сел в машину, бибикнул на прощание и уехал.

Домой Ален приехал не столько уставший, сколько рассерженный отсутствием результата. Он оглядел свою просторную квартиру, обставленную практичной неброской мебелью. Пустые стены светло-серого цвета, ни картин, ни фотографий. Такие же пустые полки серванта, пустая поверхность комода, на которой он иногда оставлял солнцезащитные очки или пачку сигарет. Всё сегодня казалось ему безжизненным и нелепым. Иногда в такие же одинокие ночи он садился за барную стойку на кухне со стаканом холодного пива и, созерцая эти безликие стены, думал о жизни. Его квартира, как и его жизнь, напоминала необжитый, холодный, никому не принадлежащий гостиничный номер. Есть и ремонт, и практичная новая мебель, только вот души не хватает, чего-то личного. Ален налил себе виски, достал из морозилки несколько ледяных камней, кинул их в бокал и включил телевизор. Но мысли понеслись в совершенно ином направлении.

«Интересно, чем сейчас занята Иллая? Есть ли у нее тот, с кем она проводит вечера и ночи? – думал он, делая очередной глоток прохладно-обжигающего напитка. – Наверное, она не страдает от одиночества. Такая хрупкая, но при этом сильная. Красивая, другая. Даже имя – Иллая – мягкое, звучное, словно журчание ручья, бегущего по кромке дикого леса. – Его губы безмолвно произнесли ее имя. – Она ведь намекнула мне, что не против еще одной встречи, причем не по работе. Разве не так? А может, это только из вежливости? Нет, в ее взгляде и манере было что-то игривое, озорное».

Он мягко улыбнулся своим мыслям, одним глотком допил виски, сполоснул бокал и отправился в душ смывать сегодняшний день.

Глава 10

На отшибе

На следующий день после событий той ночи меня охватило отчаяние, единственным выходом оказались затяжные прогулки по лесу. Оставаться в одном доме с отцом было невыносимо. И в какой-то день мне повстречался новый друг, который влюбил меня в себя. Ты удивишься, но им стал старый пластмассовый солдатик без правой руки, выброшенный на обочину. Так же, как и я. Мне кажется, он скрасил в те дни мое безграничное одиночество и спас меня от реальности.

Где-то через неделю, а может, и того меньше, сестра вернулась домой, чем очень огорчила отца. Он-то ждал возвращения только своей жены, которая все еще оставалась в больнице. Зато возвращение Си безмерно осчастливило меня. Моя радость не знала границ, мне хотелось поведать ей все, что случилось за эти дни, познакомить ее с найденным другом, угостить запасами, которые удалось найти и спрятать. Но сестра изменилась. Меня не отталкивали грубые стежки на ее лице и теле, но меня дико пугали ее грустные поблекшие глаза и новая улыбка, в которой больше не было ни энергии, ни радости. В ее чертах застыла бесконечная печаль.

«Ты чего, Си?», «Си, посмотри сюда», «Си, смотри, кто у меня есть! Хочешь, подарю?» Но она молчала, склоняла голову или отворачивалась, а по щекам тонкими блестящими полосками бежали слезы, то вдоль, а то поперек красных штопаных линий. Ее верхняя губа была сильно рассечена той ночью, и даже когда порез зашили, было понятно, что ее улыбка навсегда потеряла свою симметрию и прежнюю красоту.

Она плакала каждую ночь. Каждую ночь в нашей маленькой комнате был слышен вой ее души, постоянный скрежет железных засовов, которыми ее сковало событие той ночи. В одну из таких тоскливых ночей она повернулась ко мне, обняла крепко-крепко, как раньше, и наконец уснула. Утром она сидела на краю кровати и смотрела в окно.

– Си, ты чего так рано? Солнце только взошло.

– Я теперь такая на всю жизнь, – тихо прошептала она.

– Какая?

– Уродливая.

– Перестань, Си. Ты есть ты. Шрам заживет, посмотри на мою руку, помнишь, у меня был жу-у-у-ткий порез. – Она нежно погладила меня по руке, не отрывая взгляда от окна. – Ну помнишь мой самый лучший прыжок в реку? Там оказалась какая-то железка, и мне казалось, что руку придется отрезать, а кровь все текла и текла и было о-о-очень больно. А ты меня успокаивала и оторвала кусок от желтой юбки и замотала мою руку? Ну помнишь?

– Помню, – тихо сказала она и чуть улыбнулась.

– Ну вот, а сейчас, смотри, только полоска осталась. Если не загорать, так ее вообще не видно. Она уже не болит, совсем не болит, я ее даже не замечаю. У нас будут одинаковые полоски по телу. У меня на руке, а у тебя – на губе. А хочешь, я сделаю себе полоску на щеке? Хочешь, Си?

– Нет, малыш, не хочу, – ее пальцы коснулись моей щеки.

– Порезы скоро заживут, не бойся.

– Не заживут, малыш. Врачи сказали, что мне может помочь только пластическая операция.

– Какая операция?

Она хмыкнула.

– Ну давай сделаем тебе эту операцию.

Она только помотала головой.

– Ты боишься? Болючая эта штука, операция, да? – Мне хотелось, чтобы она перестала грустить.

– Нет, просто я ее никогда не смогу сделать. – Си повернулась ко мне и посмотрела прямо в душу. Тогда мне было не понять ее, возраст не позволял. Но ее загнанный взгляд заставил меня замолчать и больше не задавать вопросов.

Со временем ее раны затянулись, но осталось множество шрамов, которые отец своими действиями и мать своим бездействием оставили не только на ее коже, но и на сердце. Ну и на моем тоже. Мое сердце было не то что в шрамах, оно было покрыто глубокими кровотокающими ранами, которые так никогда и не смогли затянуться.

С того самого дня она больше не вплетала свежие цветы себе в волосы и не надевала платья. Она стала одеваться так, как с самого детства одевали меня. Помню свои шорты, зачастую грязные и рваные, которые болтались на тощих ногах, футболку, протертую и выцветшую на солнце, и никакой обуви. Еще бритая голова в кепке – беспризорник, да и только. Сестра тоже стала носить широкие футболки, но с длинными рукавами, даже в самую жаркую погоду, и длинные шорты до самых колен. А мне она нравилась в платьях, пусть они часто были ей не по размеру, и мы вместе пытались их подшить грубыми стежками толстых ниток. Мне поручалось держать ткань, пока она орудовала иглой с ниткой. Эта работа была для меня самой важной и ответственной.

С того дня Си мало разговаривала и почти не смеялась, кончились беззаботные игры в лесу, радостные вопли, когда мы бежали навстречу ветру по склону и бросались в воды реки. Вместе с маленьким зеркалом, которое раньше обитало на нашем столе в комнате, она спрятала и все радости, которым мы когда-то беззаботно предавались. Когда-то...

Глава 11

С самого утра на столе у Расмуса лежал отчет по дактилоскопии из квартиры убитой. Проведя короткий утренний брифинг, он вернулся в свой кабинет, открыл отчет и, пролистав несколько страниц, набрал внутренний номер Агнес.

– Они это серьезно? – спросил он озадаченно.

– Ты про отчет?

– Да, а есть что-то еще?

– Ладно, в общем, по отчету полный ужас. Десятки неизвестных отпечатков, плюс десятки неполных и частичных отпечатков. Вероятно, в ее квартире устраивали бурные вечеринки или что-то типа того. При этом, я так понимаю, убираться она не очень любила. В общем, как выудить из этого списка золотую рыбку, не представляю, – вздохнула Агнес.

– Ладно, давай допросим тех, чьи данные у нас уже есть. И будем надеяться на удачу.

– Ну на сегодня у нас есть пятнадцать распознанных отпечатков, среди них отпечатки дочери жертвы и соседки из «Дикого медведя», она имеет в прошлом судимость за кражу в магазине. То есть еще двенадцать человек, которые так или иначе фигурируют в полицейской базе.

– Вот с них и начнем. Нераспознанные отпечатки пока оставим, если будут зацепки, будем сопоставлять.

– Поняла, тогда начинаем обзванивать счастливиц.

Детектив хмыкнул, после чего, повесив трубку, отправился на кухню сделать себе первую чашку горького кофе.

Агнес заглянула на кухню со словами: «И кстати, тебя искал и просил зайти», после этого она подняла брови и показала указательным пальцем в небо.

– Хорошо, сейчас схожу.

Вскоре Алэн уже сидел в мягком кресле напротив руководителя полицейского управления. Начальнику Алена, Якобу Скар, было шестьдесят три года. Он прошел все ступени полицейской службы и хорошо понимал, что к чему. Три года Скар занимался политическими вопросами управления, не участвуя в расследованиях, но сложные дела всегда брал на контроль и до сих пор углублялся в детективную работу сотрудников управления.

Как он говорил своим подчиненным: «Детектив во мне уснет только тогда, когда мой мозг перестанет функционировать, потому что расследование – это зависимость. А бывших детективов вообще не бывает». Это было его кредо, его вторая любовь после единственной дочери Мари.

– Здравствуй, Расмус, как продвигается расследование убийства Линды Смит?

– Доброе утро, шеф. Медленно, – угрюмо сказал Алэн.

– Печально. Ты слышал, как раздули это дело в СМИ?

– Не интересуюсь мнением гиен.

– А зря. Им очень интересно, почему мы не ищем этого монстра. Они даже раскопали некоторые подробности дела, – многозначительно произнес Скар и протянул Алэну открытую на развороте газету. Набранный крупными буквами заголовок статьи вопрошал: «В городе объявился маньяк?»

– И сразу маньяк. Что они вообще в этом понимают? – с негодованием вздохнул детектив, потом добавил: – Мы ищем, шеф.

– А им так не кажется. Нужен результат, тебе ли этого не знать, Расмус.

– Я знаю. Я делаю все, что в моих силах.

– Послушай. Я помню о твоих планах и знаю, что это не типичное для тебя расследование. Лично мне оно совершенно не нравится, прям волосы встают дыбом. За мой долгий век в

профессии у меня появилось настоящее чутье на гнусные дела. Вот это из таких. И ты должен сделать больше, чем в твоих силах! – Шеф устремил пронизывающий взгляд на Расмуса. – Я надеюсь, ты меня понимаешь? Не хотелось бы передавать такое дело кому-то другому. Ты сам знаешь, к чему это может привести.

– Понимаю. Я все сделаю.

– Вот так и надо, детектив. Делать все. Вы искали по совпадениям с другими преступлениями?

– Это оскорбительно, шеф!

– Извини, Ален. – Скар широко улыбнулся.

– Ищем, но пока ничего.

– Поищите еще, может, по соседним округам что-то будет.

– Конечно, шеф, посмотрим и все смежные округа в том числе.

– Знаешь, не могу объяснить, но это преступление мне что-то напоминает. Эта дерзость, безжалостность. Не то что я помню что-то похожее, нет, но сам характер. У каждого подобного преступления есть характер. Характер самого преступника. Как бы он ни пытался скрыть свое отношение к миру, свои черты, они все равно проступают, как скрытые чернила, которые проявляются на бумаге под ультрафиолетом. Вот и в этом преступлении есть что-то знакомое. Может, стоит просмотреть нераскрытые убийства, совершенные с особой жестокостью?

– Я лично этим займусь. Только вот в сутках всего двадцать четыре часа, – с досадой сказал он скорее самому себе.

– Знаю, детектив. Знаю.

Он возвращался домой, когда зазвонил телефон. На экране высвечивался незнакомый номер.

«Опять эта реклама. Когда же запретят эти бестолковые звонки?!» – с возмущением подумал мужчина и сунул телефон в карман.

Но звонки продолжились, раз за разом телефон разражался трелями у него в кармане.

Он поджал тонкие губы, достал телефон и, нажав на зеленый круг, нервно рявкнул:

– Что хотели?

С той стороны раздался строгий женский голос. Звонили из Центрального полицейского управления и вызывали на беседу. В понедельник.

Он растерялся и быстро дал согласие. А что делать, они застали его врасплох. Отказываться было бы еще хуже. Руки моментально вспотели, пульс участился, мысли металась от одного события к другому.

Что им от него нужно, что они могли узнать?

Он как в тумане вышел из электрички и вдохнул весенний воздух, пропитанный металлическим запахом поездов. Ему нужно было дышать. Дышать и думать. Необходимо скорее добраться до дома и все проверить. Уничтожить все следы той, другой стороны его жизни.

Он вспомнил слова противной высокомерной женщины-психолога, у которой был пару раз: «Ты должен принять себя, понять, а потом сделать все, чтобы побороть своих демонов. Только тогда ты сможешь жить здесь и сейчас». Так она говорила? Или нет?

«Черт с ней, я не псих! Да, у меня есть свои пристрастия, но я же пытаюсь с ними бороться. Иногда срываюсь, ну а кто не срывается? Это же зависимость, слабость».

Ноги несли его вперед, он почти бежал. Добрался до метро, впрыгнул в поезд, который приближал его к дому. Потом нужно было проехать три остановки на автобусе, еще каких-то пятнадцать минут, и он откроет дверь своего убежища. А вдруг они там уже побывали?

Он замер посреди остановки среди немногочисленных людей. Оглянулся. Обычные люди, не замечающие ничего вокруг. А вдруг...

Ему не хватало воздуха. Он облокотился о столб, – казалось, сейчас рухнет на грязный асфальт. Автобус не шел, а воздух вокруг сгушался все сильнее. Три остановки, несколько километров. Он оторвался от столба и широкими шагами направился в сторону дома. Просто шел, автоматически переставляя ноги. Услышал звонкий гудок, сделала шаг назад, оказалось, пошел на красный. Ругань водителя немного растормошила его, и он оглянулся. Никто не шел следом, не бежал. Все было как обычно. Он выдохнул, дождался зеленого сигнала и перешел дорогу. Решил не сокращать путь, а пройти через сквер, где уже вовсю бушевала зелень и весенние цветы. Посидел на твердой прохладной скамейке, посмотрел, как играют дети. Через какое-то время дошел до невысокого пятиэтажного здания с облупившейся штукатуркой. Открыл ключом металлическую дверь в подъезд и поднялся на второй этаж. Оглядел свою темно-коричневую дверь в квартиру, посмотрел на замок, потрогал его пальцами. Холодный и гладкий, никаких зазоров или чего-то еще, что могло бы свидетельствовать о вторжении. Вставил ключ, провернул два раза и аккуратно открыл дверь.

Тело напряглось, он вслушался в тишину. Сделал шаг, и ему показалось, что он входит не в свое убежище, а в незнакомую комнату. Закрыл дверь на ключ и на цепочку. Подергал ручку, еще раз проверяя, закрыт ли замок. После этого звонка он больше не чувствовал себя в безопасности, не ощущал прилива сил и спокойствия. Раньше он думал, что за этой дверью начинается его мир, где только он хозяин и господин, где он может делать то, что хочет. Но сегодня это чувство не пришло к нему. Вместо него пожаловал страх и неуверенность.

Огляделся, включил везде свет, открыл краны, перекрывающие воду и газ. Все как он оставлял. Прошел в спальню, переоделся, включил телевизор. Тот же канал «Охота и рыбалка», что и всегда. Тяжело выдохнул и сел на жесткий матрас кровати.

«Что же мне делать, что делать? Надо уничтожить все! – Но при этой мысли руки обмякли, а на глазах выступили слезы. – Завтра, завтра я избавлюсь от них. Или схожу в полицию, а потом сделаю все правильно, буду правильным, таким, как все».

Умывшись и налив в металлическую кружку черного растворимого кофе, он еще раз осмотрел квартиру, выглянул осторожно в окно и, убедившись, что никто за ним не следит, достал из-под дивана свой ноутбук. Ввел сложный, как ему казалось, пароль и вошел в Сеть.

Им надо было двигаться вперед, искать убийцу. Но они топтались на месте, то констатируя отсутствие улик, то разгребая отпечатки пальцев, номера телефонов из записной книжки, опрашивая множество мимолетных знакомых жертвы. Расмус заглянул в технический отдел и вышел оттуда, неся под мышкой проектор. У себя в кабинете детектив подключил проектор к планшету, вывел изображение на светлую пустую стену и позвал свою команду.

Когда все собрались, на стену уже была выведена начерченная детективом схема. В центре написано имя жертвы, а от него тянулись в разные стороны стрелки. Дверь в кабинет была закрыта, а воздух стал наэлектризованным и жарким.

– Начну планерку с того, что меня вызывал к себе начальник управления. Теперь это дело широко освещается в СМИ и стоит у него на контроле. От нас ждут результата. Как мы его достигнем, никого не волнует. Мы должны найти убийцу. Хочу для наглядности отметить то, что мы имеем.

Он написал в планшете напротив первой стрелки «Чем? Орудие».

– Что у нас есть?

– Орудие убийства не было обнаружено, – сказала Агнес. – По результатам экспертизы, жертву предположительно убили охотничьим ножом с наточенным лезвием. Утверждать сто процентно эксперты не готовы, с учетом отсутствия полного совпадения со стандартными лезвиями популярных марок охотничьих ножей.

– Выводы? – спросил Расмус и посмотрел на свою группу.

– Нож редкий или самодельный? – неуверенно произнес Роберт.

– Возможно. Еще предположения?

– Может, эта марка не распространена в нашем округе? Может, из другой страны? – сказал Том.

– Допустим. Но я бы сделал акцент на том, что, если орудием убийства не являлся первый попавшийся предмет, к примеру, кухонный нож, значит, наш убийца либо все время носит с собой охотничий нож, либо...

– Он планировал это убийство, – закончила за детектива Агнес.

– Верно.

Расмус дописал рядом со словом «орудие» слово «нож» и провел две стрелки напротив которых написал «носит с собой» и «спланировано».

– Кто может носить с собой такой нож? – последовал новый вопрос детектива.

– Охотник, военный, мясник, – слышались варианты, которые тут же появлялись на экране. – Дальнбойщик, мастер.

– Надо проверить, кого можно отнести к этим категориям из знакомых жертвы и посетителей бара «Дикий медведь». Чак, это на тебе. Если убийство было спланировано, то какой мотив? Могут быть мотивом деньги? Что у нас по ее счетам, страховка?

– На единственном счету пусто, она снимала социальные выплаты в день, когда они поступали. Никаких кредитных карт, никаких вкладов, ничего. Страховки тоже нет, – сказал Том.

– Понятно. Религиозную составляющую посмотрели, Чак, Роберт?

– В церковь она не ходила, в ближайших приходах ее тоже никто не знает. Чего-то похожего на религиозные обряды мы пока не нашли, – ответил Чак.

– Ревность, безответная любовь? Кто мог убить из ревности? – продолжил детектив.

Никто не ответил. Расмус написал «ревность, деньги» и поставил знак вопроса.

– Еще мотивы?

– Предательство, обида, может, она кого-то шантажировала? – предположил Роберт.

– Хорошо, отработай эти версии и свои предположения.

Роберт кивнул, а Расмус повернулся к экрану и написал в планшете напротив второй стрелки, отходившей от жертвы, «Отпечатки».

– Что мы имеем?

– Обзваниваем, пять человек сегодня придут на допрос. Трех не смогли найти, указанные в базе телефоны не обслуживаются, мы проедем по их адресам. Еще двое придут в понедельник, их нет в городе. И до двоих не смогли дозвониться, но мы их постараемся найти, – ответила Агнес.

Следующая стрелка была названа «Иные улики».

– Том, что с телефоном?

– Занимаюсь. Я получил разрешение и вскрыл его. Пока ничего стоящего, список контактов короткий, распечатался на одной странице, несколько приложений с играми, несколько фотографий дочери и ряд нескромных фотографий ее самой. Сейчас проверяю, была ли она зарегистрирована в социальных сетях, чатах, группах.

– Продолжай, сегодня это приоритетная задача. Если что-то обнаружишь, сразу сообщи мне. Что по камерам?

– Ничего, но сейчас отложил просмотр и занимаюсь телефоном.

– Если потребуется помощь, скажи. – Том только кивнул.

– Что еще?

– Игла и нить, – подсказала Агнес.

– Верно, Агнес. – Детектив сделал запись «игла и нить» и продолжил рассуждать: – На месте преступления не обнаружены, значит, можно предположить, что помимо ножа преступ-

ник принес с собой иглу и нить. По отчету, нить утолщенная, хлопчатобумажная, цвет черный, стандарт. Проколы сделаны специальной скорняжной иглой, размер номер два, которая имеет трехгранное острие. Как мне разъяснили, такие иглы используются для сшивания кожаных изделий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.